

18+

Светлана Семенова

Дневник девочки

Биографические очерки
о трех поколениях одной
семьи

Светлана Семенова
Дневник девочки.
Биографические очерки о трех
поколениях одной семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73784798

ISBN 9785006972469

Аннотация

В 1971—72 учебном году героиня – ученица 5-го класса города Уфы – ведёт дневник, в него включает воспоминания и её родителей – это рядовая интеллигенция: беспартийная и без привилегий. В результате дневник становится семейной хроникой с атмосферой советского детства двух поколений: 30-40-х и 60-70-х гг. События происходят в Уфе, Курске, Мичуринске, что повышает интерес к тексту дневника, поскольку жизнь советской «глубинки» менее известна широкому читателю.

Содержание

РЕБЕНОК В ШОКОЛАДЕ	5
У ГОРСОВЕТА	17
СПАССКИЕ ЯБЛОЧКИ ОТ УПРЯМОЙ БАБУШКИ	24
МОДА И ШИРПОТРЕБ	33
ГДЕ ВЗЯТЬ ШАРМ	42
ЗОЯ ЕФРЕМОВНА	52
ПУТЕШЕСТВИЯ И ЗАПАХИ	56
«РИЖСКАЯ СИРЕНЬ»	63
ШУБКА-БАБОЧКА: О МИРОВОМ ПРОГРЕССЕ	65
НЕОДИНАКОВЫЕ ПОДРУЖКИ	70
«ЗАПАДНИЦЫ»: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ И СОФИЯ	79
О СЛОЖНОМ	94
О СТРАХЕ И КОЛЛЕКТИВИЗМЕ	103
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЮНОСТЬ ДЕДУЛИ	109
ЛЕКАРСТВО И ТЕЛЕВИЗОР	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дневник девочки Биографические очерки о трех поколениях одной семьи

Светлана Семенова

© Светлана Семенова, 2026

ISBN 978-5-0069-7246-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник девочки

1971—1972 годы

Биографические очерки о трех поколениях одной семьи

Автор благодарит писателей за помощь советами в создании и редактировании ряда этих очерков: Кайсарову Людмилу Ивановну, Евсеева Бориса Тимофеевич, Ахметову Маргариту Алексеевну, Елену Гришину (Ничкову) и членов клуба выпускников ИЖЛТ – Институт журналистики и литературного творчества.

РЕБЕНОК В ШОКОЛАДЕ

19 августа 1971 года.

Четверг.

В Уфе +29 °C и без осадков.

12 часов дня. Сегодня мой день рождения, исполнилось 11 лет и через 11 дней иду в пятый класс. Гости явятся в субботу. Наверное, опять шоколада нанесут, цветов, что поставить будет некуда. Если кому-то говорю, что не люблю шоколад и цветы, то не верят! Моя мама Ираида Михайловна, учительница биологии, разводит цветы, возится с утра до вечера.

Фи! Опять соседи магнитофон завели, гоняют целыми днями одну и ту же катушку. Песни, хоть и новые, но из-за соседей уже набили оскомину: «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость»; «Люди встречаются, женятся»; «Червона рута»; «А эта свадьба, свадьба».

О! Надо не забыть, что 28 августа в 22.35 будет по телику Одиннадцатый международный фестиваль эстрадной песни в Сопоте; передача из Польши в записи.

Если бы у меня был магнитофон или проигрыватель нормальный, то завела бы сейчас музыку из новых фильмов: «Джентльмены удачи» – зимой смотрели в кинотеатре, а в июне – «12 стульев» с актёром Гогиашвили и комиками

Пуговкиным, Филипповым. У нас есть очень старая радиопла, но мы ее редко заводим.

Сегодня мне лучше подходит песенка крокодила Гены из нового мультика «Чебурашка»:

К сожаленью, день рожденья
Только раз в году...

Мама подарила мне книжку моего любимого Андерсена «Сказки». Наверное, никогда не перестану любить сказки. Мой папа, Юрий Константинович, подарил альбом для марок, несколько марок и значков, чтобы я коллекционировала. Мама ухмыльнулась:

– Посмотрим-посмотрим, заинтересуется ли дочь? Будешь собирать сам. В детстве не наигрался...

Папа работает художником-оформителем.

Как всегда, он купит для гостей вкусную вещь – огромный, килограммов на 10, арбуз! Он вкуснее и дешевле шоколада: арбуз стоит 15 копеек за кг, а шоколадные конфеты за кг: «Белочка» – 3 рубля 40 копеек, «Кара-Кум» – 4 руб; «Трюфель» – 10 руб; конфеты в коробках – от 1 рубля 90 копеек до 8 рублей, коробка зефира в шоколаде – 1 рубль 15 коп, но попробуй купить её без блат!

Говорят, вкусный торт – «Птичье молоко» за 6 рублей

40 копеек, но достать его можно только по большому-большому благу. Из магазинных тортов мне нравится только «Прага», и совсем не люблю бисквитные со сливочным кремом типа «Подарочный» за 2 рубля 20 копеек, «Сказку» за 2 рубля 60 копеек, «Янтарь» – 2 рубля 39 копеек, «Рубин» или вроде песочного с повидлом и кремом «Ландыш».

Чем покупать одну шоколадку «Алёнка» за 80 копеек, лучше на эти деньги взять полкило халвы подсолнечной или мармелад, а лучше всего – две пол-литровые бутылки топленого молока или две бутылки ряженки, или за 1 рубль килограмм фиников. Мне нравится арахисовая халва, но в Уфе ее не продают, только в Москве.

Что мне нравится кушать? Люблю арбуз с серым хлебом, а с чёрным хлебом и сливочным маслом – солёную селёдку или копченую рыбу. Вкуснятина! Пальчики оближешь! Ещё обожаю жареные семечки и гематоген в плитке по 10 коп. Только из-за них папа ругает меня:

– Мой сладкий, кисло-сладкий, всё это – не еда для ребёнка!

Зато сам любит смотреть, как я уплетаю за обе щёки ряженку или топлёное молоко. С удовольствием могу выпить соки с мякотью, которые продаются в трехлитровых банках, и квас, который продают из бочек на улице.

Уф! Опять мой пёсик Вилька гавкает на кого-то с балко-

на. Моих команд он не слушает, выманить с балкона можно только чем-то вкусненьким. Эх, он – хитрюга!

Говорят, собаки похожи на своих хозяев. А мой пёс пошёл не в меня – любит сладости, сахар. Я бы отдала ему все свои порции сладкого, но ведь не объяснишь же собаке, что от них может заболеть.

Ах, как вкусно пахнет из кухни! Это сегодня мама напекла, как всегда, коржей для трех тортов «Наполеон», намазала заварным кремом, чтоб пропитались. Есть будем в субботу с гостями. А сегодня я облизала ковшик с остатками крема. Ням-ням!

Этот торт – старинный, делали в маминой семье даже при царе. А ещё на праздники в маминой семье готовят окорок, запечённого поросёнка, курник с мягкими, как говорит мама, «сахарными» косточками, а из сладкого – смородиновый манный мусс, разные ягодные варенья и морсы. Семья мамы (Дороховы, Еремеевы, Поповы) жила и живет на Тамбовщине – это, как говорит мама, Центральное Черноземье в Средней полосе России. Мама с ее родителями начала жить в Уфе с восьми лет (сейчас ей – 44) и стала на праздники есть уфимскую еду: холодец из свиных ножек, пироги с разными начинками, пельмени, голубцы. Мама их делает очень редко и невкусно. И сегодня заявила нам:

– Не хочу возиться с пирогами, пельменями, голубцами. На светин день рождения приготовлю свиной гуляш с кар-

тошкой. Сытно, и быстрее варится. Пойдет за милую душу!

Мой папа Юрий начал жить в Уфе, когда был уже взрослым, он старше моей мамы на три года. На праздники разные пироги едят и на родине его папы – деревня на севере Ярославщины – это тоже Средняя полоса России, но там нет чернозема, а начинается тайга. Семья папиной мамы, Александровы, – тоже русская, при царе жила в Западной Белоруссии, сейчас живёт в Курске. А вот они до сих пор пекут на праздники не пироги, а булочки, кексы, печенья и штрудель с яблоками, а также варят студень из мяса или рыбы. Студень немного отличается от уфимского холодца. Эти блюда моя мама никогда не делает.

Зато и в маминой семье, и в папиной, и многие люди в Уфе одинаково квасят капусту, огурцы, помидоры, едят рыбу и солёную, и маринованную, и копченую, пекут блины и оладьи.

Обо всей родне буду рассказывать ещё много.

Года три назад мы и в гости-то никого не звали, да и посуды не было для гостей. Вот неловко-то было, когда на мамин день рождения 29 мая без предупреждения её ученики пришли с тортом, а ни тарелок, ни чашек не хватило на всех. Ужас! Один из учеников так удивился, что рассказал своей маме, которая работает каким-то начальником в торговле. Потом моя мама пошла к ней и купила недорогие тарелки: белые с золотой каёмкой, но не первого сорта – одни неров-

ные, другие – с маленькими пятнышками. Нам не помешали бы ещё и чайный сервиз, и хорошие вилки, ножи, ложки. Недавно маме подарили хрустальный салатник. Я рада, но зато теперь ключ от квартиры родители оставляют для меня у соседей, а раньше, как многие делают, прятали под половиком у двери или над дверью на полочке.

Между прочим, мама рассказала в учительской, что ученики приходят к ней домой, а учителя ее упрекнули:

– Хотите, Ираида Михайловна, завоевать дешёвый авторитет?!

Хм! А разве хочется идти в дом к учительнице, которая не нравится?! Что-то здесь не так...

Сейчас слышу, как во дворе дети раскричались:

- Кондалы!
- Скованы!
- Раскуйтесь!
- Кем?

Хм! Вместо слова «кандалы», всегда кричат несуществующее слово «кондалы» с буквой «о», на которую делают ударение.

Бежать мне или не бежать поиграть в эти «кбндалы»? Если бежать, то не в домашнем же халате. Да и пора всё равно

одеваться, ведь почти через час мама поведёт меня и подружек в парк отмечать мой день рождения.

В субботу в гости придёт мамина родня Дороховы: дедуля, бабуля, младшие сестры мамы, брат с женой и сынишкой. Они все вместе живут в большой квартире в Черниковке – это район на севере Уфы. Мы на все праздники ходим к ним.

– А вот и Конфета! Теперь чай будем пить с Конфетой. Ждали Свету-Конфету, – этими словами встречают меня дедуля Миша с бабулей Женей на пороге квартиры, когда прихожу к ним.

Однажды, в 1967 году, когда мне было лет шесть с половиной, перед моим приходом девочка-соседка зашла к ним, чтобы посидеть пару часиков, пока её родители делами занимаются. Она услышала, как меня встречают и говорят что-то про конфету. Потом всех приглашают к столу.

Люблю не сам чай, а чаепитие: звон посуды, запахи, разговоры. Ставятся на стол стаканы в латунных подстаканниках с видом Московского Кремля, хлебница, маслénка, сахарница для комкового сахара. Туда дедуля складывает мелкие кусочки, которые откалывает специальными щипчиками. Всегда пьёт вприкуску. Бабуля выкладывает из трехлитровой банки яблочное варенье в стеклянную вазочку. Она его летом сварила, а также сделала варенья из крыжовника, чёрной и красной смородины. Варенье из малины даёт толь-

ко тем, кто простыл.

Загорается голубой фитилёк газовой колонки, шипит. Закипает на чугунной плите зелёный эмалированный чайник. Запахло чаем из фарфорового заварника; покупают чёрный байховый. В мой стакан наливают заварку, разбавляют кипятком. Касаюсь, обжигаюсь и слышу голос этой девочки:

– А где конфета? Вы сказали – будем пить чай с конфетой!?

– Ну да, мы и пьем с Конфетой, вот она рядом. Мы и сказали – будем пить со Светой-конфетой, специально ее ждали к чаю. Всегда с ней пьем, так вкуснее, – поясняет бабуля и улыбается.

Девочка шутку понимает, но губки надувает.

– Конфеты мы редко покупаем, потому что там много вредной эссенции, портит зубы, – успокаивает девочку бабуля.

Девочка и я смотрим друг на друга. Мне тоже не до смеха, ведь я в первый раз вижу человека, который расстраивается из-за каких-то там конфет.

Я знала, что сегодня их не будет, будут – на праздники. Купят дорогие, где нет эссенции, а есть много настоящего полезного шоколада, к которому я равнодушна.

Я хоть и Света-конфета, но не из-за любви к сладкому. В детстве меня заставляли есть мороженое, шоколад. Мама положит мне в рот кусочек да просит:

– Проглоти, пожалуйста.

Я-то была послушной, но шоколад был отвратительным, таял во рту и сам собою вытекал.

– Ну что это за ребёнок такой! Закормлен сладостями с пелёнок! – ругалась мама, вытирая мои липкие губы и подбородок.

Бывало, знакомые угостят, приговаривая:

– Ой! Какая девочка! Держи конфетку!

А я и держу, и держу, а она растекается по ладони, не стряхивается, капает на платье. А мама вновь удивляется:

– Где только грязь находишь?!

Правда, сладкое не портило мне жизнь в детском саду. Там, случалось, ребята ссорились, а я – нет. Просто со мной не хотели портить отношения. Почему? Сейчас расскажу.

Когда я ходила в садик, воспитательница Зоя Ефремовна постоянно жаловалась моим родителям, что я плохо ем, даже отказываюсь от сладкого, выпечки.

Зато дети с удовольствием съедали мою порцию. Иногда возникало соревнование – кто вперёд успеет договориться со мной. Я не отдавала запеканки – творожную, яичную, суп из сушёных грибов с перловкой, суп фасолевый, капусту, гречневую кашу с молоком, фрукты. К сожалению, ими кормили не каждый день.

Во время обеда кто-нибудь спрашивает:

- Всё равно ватрушку есть не будешь, можно возму?
- Бери, но без кофе, буду сама.

На самом деле это был чуть-чуть сладкий кофейный напиток из корня цикория с молоком. Сажу за столом, болтаю ногами и, причмокивая, медленно-медленно попиваю «кофе» из гладкой чашки. То ставлю ее на блюдце, то опять потягиваю – растягиваю удовольствие, любуясь белой без рисунка чашкой – очень хороша, потому что, как сказал бы папа:

– Классика!

Она из большого столового сервиза, который аккуратно расставлен в светлом шкафу-буфете. Он стоит в зале нашей группы. Дома у нас таких чашек нет, есть только менее красивые кружки.

Зоя Ефремовна жалела меня как вечно голодного ребёнка, хотела накормить хоть чем-нибудь. Однажды, когда

во дворе я с детьми играла в прятки, она позвала:

– Света, идём!

Мы с ней спрятались за перилами веранды, присели на корточки. Вдруг она достает из своего кармана две большие шоколадки в необычных обертках.

– Давай попробуем! Одна родительница подарила, привезла из Москвы. Когда-нибудь видела такие? Я – в первый раз, – шепчет она и разворачивает плитку тёмного шоколада с орехами, потом – светлого.

Отрицательно мотаю головой. Но все же хочется попробовать диковинку, и я соглашаюсь взять кусочки. Когда они оказываются во рту, то понимаю, что такие же противные, как и знакомые шоколадки. Какая бяка!

– Вкуснятина! А тебе вкусно? – спрашивает воспитательница.

Обожаю Зою Ефремовну и не могу огорчить, поэтому киваю головой. Во рту шоколад тает, с большим трудом глотаю, только вот коричневая слюна все равно течёт с подбородка на моё светлое платье. В эту минуту нас и обнаруживают. По пятнам на моей груди дети догадываются, хотят спросить,

но слышат голос моей мамы:

– Батюшки мои! Снова в чём-то перепачкалась! Как теперь домой пойдём? Что люди подумают? Мама – учительница, а дочь – грязнуля!?

У ГОРСОВЕТА

Сейчас 9 часов вечера. Гости придут в субботу, а с подружками из дома мой день рождения я уже отпраздновала сегодня после обеда. С мамой и тремя девочками из нашего дома мы гуляли в парке имени поэта Мажита Гафури, в двух шагах от дома, где живем.

С нами по аллеям парка бежал на поводке мой пёсик Вилька с важным видом, вилял хвостиком-крючком. Ох, какой потешный мурзик! Правда, и позора-то с ним сколько было! Кошмар! Как всегда, и в этот раз с лаем бросался на прохожих, которые ему чем-то не нравились. Кто-то из них возмущался. Я пыталась его утихомирить, тогда, похоже, специально мне назло он выпендривался – лаял еще громче, рычал, мол:

– Смотрите-смотрите! Какой я злой пёс, всех порву! Держите меня семеро!

Стыдуха! Мне приходилось садиться на корточки, обнимать его всем телом, чтобы ничего не видел вокруг, и тискать. Это помогало. Ха! Его-то успокаивало, зато меня-то разбирал сильный смех – аж не могла на ноги встать.

Коричневый хвостик вилял между моих ног, а из-под моей подмышки торчала довольная коричневая мордашка.

– Хохотушка какая! Света, ну-ка не смейся! Что люди подумают? – говорила мама и сама еле сдерживалась от смеха.

Я начинала по правде представлять, что подумают люди, и от этого становилось ещё смешнее. Ой, от смеха чуть не лопнула!

А подружки-то, подружки просто ухохатывались. Вот, хохма-то была! Прямо, умора!

Когда мы катались на каруселях, качелях-лодочках, мама сторожила Вильку. Затем мы смотрели, как люди перевертываются вниз головой на «Мертвой петле», играют в большой теннис.

Сегодня на танцплощадке пусто. По выходным вечером бывают танцы, а днем играет духовой оркестр.

Наш парк – это настоящий древний лес, поэтому всегда тенёк. Клумбы с цветами сделаны только у входа рядом с кинотеатром имени Юрия Гагарина.

Мама всем подружкам покупала билеты по 5 копеек, лимонад в бумажных стаканчиках по 3 копейки и в вафельных стаканчиках – мороженое-пломбир по 20 копеек. Я выбрала фруктовое на палочке за 7 копеек. Хорошо отпраздновали!

Ой! Забыла написать, что мы катались ещё на «Чёртовом колесе». На верхотуре так страшно! Зато хорошо виден весь район: крыша нашего пятиэтажного дома, Горсовет, крыша магазина продуктового «Прогресс», крыша детского магази-

на «Буратино», кинотеатр имени Юрия Гагарина, серебряный купол планетария и за ними – парк Гафури, в другой стороне – новые цирк и кинотеатр «Искра». Когда этого цирка не было, то летом на танцплощадке возводили цирк-шапито для гастролей циркачей.

С каждым годом в нашем районе становится больше домов, магазинов. Седьмой год, с 1964 года, живем здесь, помню, что между Горсоветом и планетарием раньше был пустырь, а за планетарием еще до сих пор есть холмики от старого сельского кладбища. Сегодня на месте этого пустыря площадь имени Ленина, где в 1967 году в центре поставили высокий памятник Ленину с клумбами и рядом – девятиэтажную гостиницу «Россия» с курантами на башенке и рестораном в одноэтажном выступе. В просторном фойе гостиницы есть лифт, телефон-автомат – звонок за 2 копейки, почта, сберкасса, авиакасса, парикмахерская, где делают модельные стрижки, и лавка «Сувениры», где я люблю разглядывать всякие вещички.

Вход в это фойе открыт для всех желающих. За порядком следит швейцар. Мраморные и паркетные полы покрыты бордовыми ковровыми дорожками. За цветником у входа тщательно ухаживают. Весенний газон из тюльпанов сменяют в середине лета на «мавританский» – из синих васильков и красных маков, а в конце лета – из георгинов, петунии, ромашек, левкоев.

Ещё от гостиницы до нашего дома построили четыре кир-

пичных пятиэтажки по 5 подъездов. На каждом доме сделана из бетона большая цветная картинка. На каждой есть рисунки и четыре слова из песни «Солнечный круг»:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.

Эти дома кооперативные, в них однокомнатная квартира стоит 3—3,5 тысячи рублей. Там поселились, вроде, обычные люди с обычной зарплатой 65—130 рублей, правда, хорошие рабочие, передовики производства, могут получать и до 300 рублей. Это у министров, полковников от 600 до 800 рублей в месяц; начальников, крупных инженеров, военных – по 300—400 рублей. Надо сказать, что и обычные люди могут заработать большие деньги на севере.

Мама, учительница с 20-летним педагогическим стажем, имеет зарплату 120 рублей.

С «Чертова колеса» чуть-чуть видна крыша моего садика №182. Когда я туда ходила в 1964—1967 годы, его новое здание было хорошо видно с дороги Проспекта Октября, которая проходит у Горсовета. Сегодня садик загораживают магазин «Новинка» с одеждой и галантереей, а также пятиэтажки, на их первых этажах разные службы быта: ателье «Лири» по ремонту ламповых радиоприёмников и телевизоров; сберкасса; парикмахерская и швейное ателье под

одним названием «Весна».

Во дворе в длинной пятиэтажке на первом этаже разместили зубную поликлинику, химчистку, прачечную и районную библиотеку с читальным залом. В другой пятиэтажке – овощной магазин «Урожай» и булочная с кафетерием.

Родители дают мне деньги, чтобы я перекусывала там по пути в музыкальную школу, куда хожу два раза в неделю. Между уроками в школе и музыкалкой я не успеваю пообедать дома. Родители боятся, что похудею, и пилят, и пилят:

– Посмотри на себя! Вон, худышка какая! Аж синюшная вся! Не будешь есть – будешь болеть!

В кафетерии покупаю бутерброды с варёной колбасой по 10 копеек. Если их нет, то прошу сочник с творогом за 13 коп или сыр плавленый «Дружба» за 15 копеек и кусок хлеба за 1 коп. Или приходится выбирать что-то из выпечки: чебуреки по 16 копеек, беляш с мясом или вак-беляш по-башкирски – это мясо с картошкой – за 11 копеек, губадия по-башкирски – это пирог с мясом, яйцом, изюмом, рисом – 20 копеек, пирожок с картошкой – 9 копеек, кекс с изюмом – 16, пирожное «картошка» – 22, песочное кольцо с орехами – 8 копеек, коржики тоже стоят по 8 копеек, пончики или бублики с маком – по 5 или 6, плюшка «московская» или булочка сдобная с помадкой – по 15 или 20 коп.

Все остальное слишком сладкое. Бя! Бр-р! С какими-то

помадками или повидлом, или жирным противным кремом: по 22 копейки – эклеры, трубочки, бисквиты, безе, слоёные языки, корзиночки, а ромовые бабы – по 19 копеек, пирожки с повидлом – по 5, плюшки с повидлом – по 8. Из напитков у меня на первом месте стоит стакан томатного сока за 10 копеек, на втором – молочный коктейль за 14 коп, если их нет, то беру за 3 коп стакан сладкого чая, ведь несладкий не продают, или стакан яблочного сока за 13, или виноградного – за 15 коп. О! Недавно в гостях в первый раз я попробовала растворимый кофе. Я бы такой пила каждый день, но его надо доставать по благу. Сколько надо платить? Если в магазине цена за баночку в 100 гр – 6 рублей, то спекулянты, наверное, продают за 10 рублей.

Сейчас по второй программе идёт старый детектив про шпионов «Дело №306». В 21.45 начнется концерт мастеров искусств из Большого театра СССР и, как на зло, в это же время по первой программе – чехословацкий худфильм «Вешние воды» по роману Тургенева. Что выбрать?

Завтра надо обязательно смотреть: в 19.30 «Гаянэ» (знаменитый балет Хачатуряна, в нем особенно отличается «Танец с саблями»; мы его проходили по музлитературе в музыкалке); 20.30 – «Время»; 22.00 – «Концерт ко дню строителей» (наверное, опять будет петь Зыкина, Кобзон); по второй программе: 19.00 – «Концерт популярной песни из ГДР» (скорее всего, будут петь Франк Шобель модную песню «Как звезда» и Розмари Амбе – весёлую песню «Ду-

ховая музыка – это бальзам для ушей»); 21.00 – художфильм про шпионов «Человек без паспорта» (снят в 1966 году).

28 августа в субботу я выбрала смотреть: в 16.20 «В мире животных» (с ведущим Александром Згуриди, это хорошая программа появилась три года назад); 29.05 премьера иностранного телеспектакля Лопе де Вега «Собака на сене»; 21.45 1-я серия телефильма «Белая земля» (Беларусьфильм) (про войну с артистом Олегом Янковским; в прошлом году показывали).

СПАССКИЕ ЯБЛОЧКИ ОТ УПРЯМОЙ БАБУШКИ

30 августа 1971 года.

Понедельник.

+21 °С.

Утро.

Ш-ш-ш-шмых! Ш-ш-ш-шмых! Под окнами один дворник метет метлой. Другой дворник уже постриг кустарники, покрасил белым мелом стволы деревьев, начинает белить дорожные бордюры. Люблю запах мела.

Какая-то бабушка крошит старый хлеб у нашей помойки и зовёт:

– Гули-гули, гу-у-ли!

Слетаются голуби, воробьи.

Сегодня, как обычно, то есть не ко дню моего рождения, а на десять дней позже, пришли подарки из Курска от папиной мамы, Евгении Осиповны, и его старшей сестры Лиды. Как и в прошлые годы, сейчас мы получили три посылочных фанерных ящика с отменными яблоками, завернутыми в газеты. Как всегда, я нашла в одной из них милые

вещички и для меня. В прошлый день рождения были там: отрез на платье из ситца редкой расцветки – с красными маками – и семь сантиметровых пластмассовых фигурок девочек и мальчиков, с которыми играю. А еще в посылке я обнаружила духи в маленькой пробирочке, подписанной иностранному. Мама прочла: «Шанель», – значит, французские. Запах изумительный! Папа сказал, что у тети Лиды есть подруга детства во Франции, Валя Творогова, живёт с мужем-французом под Леоном, с которым познакомилась у немцев в плену. Она работает на парфюмерной фабрике. Редко-редко приезжает к своей маме в Курск.

Получаем мы из Курска эти яблоки каждую осень, а каждой весной – высокий кекс с изюмом. Раньше я не понимала, зачем бабушка это делает, ведь такие кексы можно купить в Уфе, а родители долго не хотели объяснять.

– Опять кулич! Надо же! – удивился папа, открывая бабушкину посылку этой весной: – До сих пор не ленится возиться с тестом, выпекать! Постоянно в движении!

– Да нет! Это самый простой кекс, только высокий! – как-то уж слишком строгим голосом поправила мама.

Родители долго не объясняли мне, что эти подарки – Пасхальный кулич и Спасские яблоки – не простые, а церковные. Теперь знаю – не объясняли, потому что я могла бы рассказать посторонним, а они бы решили, что мы праздну-

ем Пасху и Яблочный Спас, чего не должны делать учителя. Особенно не должны ходить в церковь, как бабушка Женя. Она в Курске почти каждый день бывает там. Весной, только лишь успела приехать к нам в Уфу, как сразу на трамвае помчалась молиться, да еще в такую даль – в старую часть города. В нашем городе две церкви.

– Священник служит утрению в храме у Монумента Дружбы лучше, чем в храме в Нижегородке, — поделилась с нами впечатлениями бабушка.

Я не слышала, чтобы мама говорила бабушке, что запрещает водить меня в церковь, присылать церковные подарки. Слышала только, как папа предлагал отправить меня на лето в Курск к бабушке, а мама ответила:

– Чтобы в церковь водила!? Сама пусть верит, а я не хочу, чтоб ребёнку ерундой забивала голову.

От того у папы и был один секрет от мамы, а я случайно раскрыла: не знала, что тайна. Как это было? Рассказываю.

Итак, недавно смотрю старое кино по телевизору, как жених с невестой венчаются в церкви. Вдруг вспоминаю, что видела в детстве похожее: полумрак, дымка, свечи, иконы, пение хором.

Спрашиваю папу:

– Помнишь, когда мы были в Курске, я сидела на твоих руках? Рядом стояла женщина с маленьким ребенком. Когда его стали обливать водой, он громко заплакал. Потом мы целовали большой крест.

– Это был не я, – отвечает папа.

Мама слушает нас внимательно и говорит:

– Понятно, крестили Свету втайне от меня. Ей было четыре года.

– Мама так хотела, – отвечает папа: – А если бы тебе сказали, то не разрешила бы крестить.

– А как ты себе это представляешь?! Мой папа – коммунист, я преподаю биологию, читаю лекции по атеизму, а сама веду свою дочь крестить!

Ну и ну! Я не помню, как в 1964 году мы ехали в Курск на поезде, хотя это было в моей жизни первый раз. Зато, оказывается, отлично помню, как меня крестили в церкви! И, когда второй раз приехали в Курск в 1968 году – мне восемь лет, – опять не помню поезда, а помню следующее: зеленая улица, церковь, полумрак, дымок. Бабушка Женя показывает мне крестик на верёвочке и объясняет:

– Твой, пока у меня будет. Возьмёшь, когда подрастешь.

Ещё помню про Курск: крынка топлёного молока – пью, пью, напиться не могу. Улица, калитка, дорожка, цветы, лавочка, дверь, коридор, светлая комната, железная кровать с шишечками, букет на столе, немолодая женщина – не то, чтобы красивая, а, как сказал бы папа, благородная. Одета в тёмное длинное платье с закрытым горлом, под воротничком – брошка цвета вишни. Таких женщин я видела на картинах художников и в кино про барынь, которые жили при царе.

– Здравствуйте, Мария Венедиктовна, – говорит бабушка, – привела вашу крестницу, посмотрите, как выросла за четыре года. Узнаёте или нет? Сын привез из Уфы. В церкви скажите, пожалуйста, что на службу пока не пойду. Бог меня простит!

– Конечно, Бог простит! Такие гости – это Святое! – отвечает с ласковой улыбкой Мария Венедиктовна.

Пьем чай. Красные в белый горошек чашки на блюдцах, вазочка варенья, белая скатерть, белая салфетка на моих коленях, открытое окно, ветки дерева, чириканье, белая стена, маленькие картинки, вазочка с горящим огоньком. Похожие картинки есть в комнате моей бабушки на комодe с зеркалом. А у нас дома в Уфе на трюмо расставлены только мамины пудра «Красная Москва», крем для лица «Люби-

мый», флаконы духов «Серебристый ландыш» и «Красная Москва». Потом уж я узнала, что понравившиеся мне картинки у Марии Венедиктовны – это иконки, а огонек – это лампадка.

Слушаю неторопливый разговор бабушки и Марии Венедиктовны, наблюдаю за плавными движениями, лёгкими улыбками, красивыми жестами, тихим смехом и, как говорит мама, без жеманства.

Из их разговора тогда я неправильно поняла, что «служба» – это якобы работа, поэтому неправильно решила, что бабушка работает в церкви. Тогда я не знала, что означают слова «крестница», «Святое», «пост», «скромное».

Когда бабушка гостила у нас в Уфе весной этого года, то готовила еду: нам с мясом – это скромное, а себе с овощами и подсолнечным маслом – это постное.

– Мам, а почему бабушке можно ходить в церковь, а нам нельзя? – интересуюсь я.

– Потому что бабушка – старый человек, и ей трудно отказаться от старых привычек.

Я удивляюсь:

– Твой папа – такой же старый человек, а в церковь не ходит.

– Он коммунист, давно в партии, а коммунисты, комсо-

мольцы, пионеры против церкви.

Хм! Если мама говорит, что я должна брать пример с бабушки Жени, называет её образованным, порядочным человеком из хорошей семьи, то откуда взялись у такого хорошего человека плохие привычки? Коммунисты против церкви, мамин папа – коммунист, но бабушку Женю, которая ходит в церковь, все равно почему-то очень уважает, считает интеллигентной.

Понимаю, мама должна быть примером для учеников, их родителей, поэтому ни мне, пионерке, ни нашим родным нельзя её подводить. Бабушка знает, что мама против церкви, но всё равно водила меня туда. Значит, подводит маму и, как сказала бы мама, продолжает гнуть свою линию. Зачем ей это нужно? Папа говорит, что у бабушки есть такт, но почему-то она не посчиталась с мнением моей мамы, когда без ее разрешения водила меня в церковь. Разве так поступать тактично?

Каждый раз, когда бабушка прощалась с нами, она крестила нас рукой и произносила:

– С Богом!

Как-то раз я слышала, как мама говорит папе:

– Когда я жила в войну с моей тетей, Евгенией Гаврилов-

ной Поповой, в Мичуринске, то о Боге спорили до хрипоты. Так, в 1944 году от моего отца давно не было писем с фронта. Ждать тяжело. Тетя Женя уговорила меня за компанию сходить к ясновидящей монашке. Пришли к ней в дом, сидит в окружении икон, свечей, просит меня незвучно повторять имя человека, судьбу которого хочу узнать. Я нарочно не произношу про себя никакого имени, а она злится и говорит, мол, если не делаешь, что говорю, то уходи. Ха-ха! Имена угадывает! Я раскусила ее фокус. Наивные солдатки произносят про себя имя, и по движению губ гадалка угадывает. Плутовка! Правильно, что с такими ведут борьбу!

– Помню, как до войны в Курске боролись с религией, развешивали по улицам плакаты: «Не идите в церковь! Идите на Рабфак!», – сказал папа и пропел частушку:

Долой, долой, монахов,
Долой, долой попов,
На небо мы залезем,
Прогоним всех Богов...

Мама усмехнулась и рассказала:

– Тётя Женя хоть и верующая, но попов не любит. Говорила мне, был один поп, говорил, мол, нужно пост соблюдать, а она случайно заглянула в окно, и увидела, как он сметану ложками уплетает.

– Помнишь картину Перова «Чаепитие в Мытищах»?

За столом с калачами сидит толстый поп, а рядом стоит нищий одноногий солдат, просит милостыню. Хозяйка его прогоняет.

Я с папой часто разглядываю наши книги с картинami, альбомы по живописи, каталог картин Курской художественной галереи. Папа любит обращать моё внимание на картину «Трутни» курского художника Лихина. Он нарисовал попов с огромными брюхами.

Недавно пересматриваю этот каталог, вижу снимок красивой церкви, а под ним надпись, что в ней до войны была художественная галерея. О! Узнаю! Да это же та самая церковь в центре Курска, куда водила меня бабушка и в 1964 году, и 1968-ом. Красивая! Просто спасу нет!

МОДА И ШИРПОТРЕБ

31 августа 1971 года.

Вторник.

Ура! Завтра в школу. На днях рублей на двадцать купили мне школьную форму, как всегда, на вырост: коричневое платье, к нему один фартук из белого ацетатного шёлка за 3 рубля и другой фартук из чёрной шерсти с хлопком, вроде, за 7 рублей. Ещё купили белые кружевные воротнички с манжетами и широкие газзовые банты на мои длинные хвосты. Скорее всего, училка заставит заплести в косы. Мальчикам из нашего класса делают короткие стрижки, а у девочек причёски разные. Мне нельзя делать короткую стрижку, так как волосы очень прямые, тяжёлые, непослушные: после мытья торчат во все стороны, а через день висят сосульками. Просто жуть! Пробовали завить на бигуди, но быстро выпрямились. Надо делать химическую завивку, только мама говорит, что девочкам не делают. У некоторых одноклассниц есть кудри: то ли свои, то ли завивают сами, то ли делают химку, но скрывают.

Также к школе мне купили светлые гольфы, простые чулки и коричневые туфли на шнуровке за 15 рублей. Я хотела более светлые и с перемычкой, но таких мы на прилавках не нашли, а достать из-под полы – блага у нас нет.

Сейчас примеряю форму, отмечаю мелом для мамы, где нужно подшить подол и рукава. На следующий год подрасту – распорем. Оно мне широковато в рукавах, плечах, бедрах. Мама специально купила такое, чтобы зимой под ним носить тёплые трикотажные кофту и гамаша. В нашей местности почему-то гамашами называют рейтузы, а рейтузами – длинные, до колен, трусы; носить можно только под одеждой. С формы срезаю этикетку «Уфимская фабрика имени 8-го Марта». В Уфе есть швейная фабрика «Мир», где шьют пальто. У меня и у папы есть пальто этой фабрики, а мамино пальто шили в ателье.

К платью формы пришиваю воротнички и манжеты. Кому-то их пришивают, стирают, гладят бабушки и мамы. А я сама и стираю, и глажу воротнички, галстук пионерский и носовой платочек. Мама каждый день мне гладит через мокрую марлю прямой подол формы, ведь платье из тонкой шерсти – быстро мнется. Эту форму мы выбрали с застёжкой на груди и с рубашечным воротничком. Старая была с застёжкой на спине и воротничком-стойкой, а на груди от горловины до талии – вертикальные прямые мелко простроченные защипчики. На рукава формы можно, но необязательно, надевать защитные нарукавники из тёмного сатина и т.п., чтобы локти не протирать. У меня они были до третьего класса. Кто-то их носит и до десятого класса.

Школьную форму некоторым шьют сами. Кому-то делают фартук из гипюра, атласа, плиссированную юбку. У На-

таши из 5-го «Б» сделана пышная юбка с широкими бантовыми складками и выше колен. Такую можно сшить самим, но в простом магазине не купить как наташины красивые короткие сапожки. Всё смотрится на Наташе, как на куколке: чулки и тёплые штаны не пузыряются на коленках; красивая стрижка с немного выющимися волосами – свои или завивка. Родители разрешают ей дружить с мальчиком из 7-го класса. Её подруга говорит, что Наташе вообще всё родители разрешают, очень балуют, так как она у них одна – удочерили совсем маленькой.

Конечно, юбки делать лучше из немнущейся ткани. Такие ткани с добавлением синтетики мало завозят из Москвы в уфимские магазины. Конечно, можно купить, но по благу, но дороговато. Поэтому почти все родители справляют детям одежду из мнущихся тканей да и, как говорит папа, неинтересных расцветок. Если сделают одежду на вырост, то ещё и мешковато сидит.

Если не шьют, то покупают в магазине, где только ширпотреб – это одежда, обувь, которые изготавливают большими партиями, то есть одинаковые по много штук. В таком я и ходила в садик, и хожу в школу.

Ширпотребная одежда удобная, но модницей меня не делала ни в детском садике, не делает и в школе.

– Галочка опять в новом костюмчике! Покрутись, наша модница! – как-то раз воскликнула в нашем детском садике

няня, тетя Настя.

Она каждое утро встречала нас в раздевалке группы. Худенькая, с длинной шеей Галочка Алексеева не стесняется, кружится. Мелкая плиссировка на юбке синего платья-матроски становится, прям, как открытый зонтик с белым кантиком, такой же белый кантик – на синей её беретке.

– Женюсь на ней! – кричит хулиганистый Ромка Никитин.

Он, как всегда, растрёпанный: тёмные волосы взъерошены, рубашка нараспашку. Мы хихикаем, не сводим глаз с Галочки, шушукаемся:

– А мне больше нлавится ее голюбое, там кальманы в клеточку.

– Не! Луче класное, там белый галстук, зилетка.

Галина мама работает до сих пор портнихой, наряды для дочери к садику она шила из восхитительных тканей с синтетикой.

Как я одевалась в садике? Для праздничных утренников родители купили простое платье из белого ацетатного шёлка, на каждый день – халатик из синей байки с белыми пятнышками и воротничком с белой каёмкой. Из шерстяного трикотажа у меня были зеленая кофта с застёжкой на пуговицах

и коричневые с начёсом широкие шаровары на резинках. Зимой я всё-таки модничала в симпатичной шубке из пёстрого меха кролика. Большая часть детей ходила в тёмных пальто, тяжёлых цигейковых шубах и валенках с галошами. В магазинах я не видела одежду с капюшоном. Галя Алексеева форсила в лёгкой молочного цвета мутоновой шубке с капюшоном, украшенной по низу орнаментом из более тёмных кусочков. Была к шубке еще меховая муфточка, чтобы греть руки – наверное, самая красивая детская шуба во всей Уфе. Везёт же людям!

Требовать щегольских обновок от не любящей шить моей мамы бесполезно, у нее нет желания помочь стать модницей даже кукле, а она, бедняжка, больше меня всегда нуждалась в приличной одежде.

Когда я училась в первом классе, учительница объявила:

– Завтра классный час будет посвящен игрушкам. Принесите любимую игрушку.

Пупс, который дедушка подарил мне два года назад, уже выглядел плоховато, ведь я с ним никогда не расставалась, да и его одежду мои соседки взяли, да так и не возвращали; потом расскажу об этом. Мама сказала, что пупса показывать людям нельзя, и в первый раз я увидела, как она шьёт кукольную одежду. Ух ты! Новые ползунки! Я повязала на глиняную головку белый платочек и понесла моё милое созда-

ние в школу.

Года два назад девочки с нашего двора начали учиться вязать. Мне тоже захотелось. Мама дала спицы, клубок шерсти от распушенной ненужной кофты. Вязать мне было трудно, но я не отступила. Еле-еле довязала шарфик, правда, получился кривоватый и с дырками, но кукле вполне подошёл.

Я особо не радуюсь, когда меня ведут в магазин покупать наряды. Мама натягивает на мою нескладную фигуру платье на размер больше, чтоб было, как говорят, на вырост. Она сама оценивает, потом уж только спросит:

– Ну что, Конфетик? Покупаем? Юбку временно подошьём, чтобы ты не выглядела как Попандопуло, быстро подрастешь, тогда подол отпустим, будет впору.

– Какое смешное слово «попандопуло», – хихикаю.

– Неужели забыла? – удивляется мама и поясняет: – Недавно же смотрели фильм «Свадьба в Малиновке». Так звали смешного шалопая и вора, который одевался неряшливо во что попало да в слишком яркое, но считал себя модником и важничал.

Если наши воспитательницы в садике одевались не нарядно, но современно, то у музыкального работника вид всегда, как у артистки на сцене. Она была немолодой крашеной блондинкой с ярким гримом на ресницах, губах, щеках. Хоть и носила модную высокую причёску с начёсом, но одевалась

в старомодные вещи: чёрное бархатное платье средней длины, короткие белые бусики на шее, бронзовый с мелким рисунком браслет на руке и такая же большая заколка на затылке. Тогда в моде были крупные пластмассовые украшения, длинные бусы и юбки выше колен.

Меня из садика забирали поздно, так что, я всех провожала домой. Наблюдая за родительницами, сделала вывод, что после моей мамы есть еще несколько красивых мам.

В моей семье женщины не носят на голове платки, как говорит моя мама:

– Шляпка – вот это элегантно!

Хотя, когда Ромкина мама шёлковым цветным платочком покрывала пышную причёску, завязывая его на подбородке, накрашивала губы, надевала туфли на каблучке, капроновые чулочки, то походила на артистку. Моя мама всегда красит губы и пудрится. Мама Вити не красится; весной и осенью на ней неяркие шерстяные платки, черные резиновые сапоги, зимой – пуховая серая шаль, серые валенки. Няня нашей группы, тётя Настя, ходила в сером рабочем халате и с косынкой на голове. У нее белая-белая кожа, светлые-пресветлые волосы и такие же брови с ресницами. У тёти Насти всегда хорошее настроение.

Если в садик ребята появлялись в новом, то воспитательница Зоя Ефремовна не замечала. Она вообще никого не вы-

деляла, тем более лучше нас одетую Галочку.

Мы сами, без подсказки взрослых, признавали, что Галочка, одетая с иголочки, отличается, как и её вся разодетая кукла. С каштановыми волосами и голубыми глазами её мама походила на иностранку из-за необыкновенных вещей, да и для дочки подбирала их и по размеру, и по фигуре, чтобы скрыть недостатки.

У симпатичной с раскосыми глазками Гульнары мама работала в промтоварном магазине, поэтому могла достать всё, что душе угодно. А Лола каждый день меняла платья; шили её четыре мамы. Потом я расскажу – откуда у неё столько мам.

Всё равно Галина одежда была интереснее, потому что штучная, с выдумкой, такой в магазине не купить. Да уж! Просто так, без особого умения, не сшить. Поэтому мы невольно поглядывали на Галю, заигрывали мальчики, но не была она ни заводилой, ни воображалой, хотя две девочки часто несправедливо ее подражали:

– Гала-воображала! Галка-воображалка!

Уверенная в себе модница не отвечала, не ябедничала. Закадычной подружкой она так и не обзавелась. Завидовала ли я ей? Тогда я ещё не умела этого делать.

Мама говорит:

– Не надо никому завидовать, тогда всё будет в жизни хорошо.

Это я понимаю, но всё равно бывает, когда вижу, что у какой-то одноклассницы есть то, что и мне хочется.

Сейчас я помню не всех детей, какие были в нашей группе. Почему я запомнила Галю Алексееву? Потому что благодаря Гале и ее маме я поняла, что где-то там есть загадочный мир не пижонов и стилияг, а людей с хорошим вкусом к одежде, которые и другим женщинам помогают выглядеть достойно.

Как-то случайно моя мама встретила маму Галочки, как всегда, одетую с иголочки. Та сказала:

– Шью, хорошо на этом зарабатываю и как женщина знаю себе цену.

ГДЕ ВЗЯТЬ ШАРМ

– Если у женщины не в порядке причёска и обувь, то даже самое красивое платье не поможет такой лахудре выглядеть прилично, – любит учить мама, потом задать вопрос и сама себе ответить: – Что выдаст в моднице неотёсанную кулёму? Правильно, манеры. Посмотри в кино – там в хороших семьях при всех не поправляют то и дело одежду, причёску.

– А когда садишься, то юбку разве сзади не надо расправить, чтоб не помялась? – удивляюсь я такому совету.

– Ма шер, не плюхайся как мешок на стул, а садись осторожно на краешек, тогда не помнёшь. Ну, если не сможешь, то один раз поправь, а не десять. С одежды пылинки, волоски не стряхивай! Не чешись, как шелудивый поросёнок! Не терби нос! Потри переносицу, чтобы не чихнуть! Когда разговариваешь, не мямли и не тараторь! Что придает женщине особый шарм? Запоминай: плавные движения, мягкий голос, лёгкая улыбка и изящные жесты.

Наблюдаю за жестами в нашем классе и прихожу к выводу: на первом месте почесывание носа, пожевывание кончика пионерского галстука, на втором – покусывание кончика карандаша, авторучки. Только у отличницы с толстыми косами Иры Гончаревич нет плохих жестов: сидит прямо, локти на парте, движения плавные, но лицо слишком серьёз-

ное. В семье мамы её мамы был граф Толстой, писатель. Эта бабушка, Софья Андреевна, учит Иру французскому языку, английскому – репетитор, а немецкому Ира обучается с нашим классом. Наша училка немецкого, Алла Дмитриевна, имеет и хорошие манеры, и внешность.

Училка истории покручивает то свои серёжки, то бусины в длинных бусах. Хм! Есть ли шарм в этом бесполезном жёсте?

Ботаничка перелистывает классный журнал растопыренными пальцами. Так делают, когда сушат лак на ногтях, но у неё-то нет маникюра!

Химичка мелом напишет формулы на доске, повернется к нам лицом и перед тем, как что-то сказать, вытянет губы трубочкой и вытрет уголки рта двумя растопыренными пальцами – большим и средним. Так обычно убирают остатки губнушки, но эта училка-то не красит губы.

А географичка меня ну просто убивает! Ну просто! Который урок слежу: движения плавные, голос мягкий, улыбка лёгкая, а жесты... Ни од-но-го! Во-о-щи никакого! Во даёт!

У папиной мамы, Евгении Осиповны, некрасивых жестов я не нашла. Она выражает недовольство, удивление покачиванием головы, приложив руки к щекам или груди.

Хи-хи! Как было уморительно наблюдать за мамой и бабушкой, когда они вместе прихорашивались перед выходом из дома, кокетничали.

– Надо губки покрасить, попудриться, духами подушиться, – говорит мама.

– Правильно, моя приятельница из дома не выходит, не покрасив губы, – говорит бабушка – Ирочка – ты блондинка, тебе очень идёт этот морковный цвет помады. Я не видела такой в магазинах.

– Конечно, там нет, у барыг купила, где-то из-под полы достают импорт. За границей умеют делать. Наши ещё не научились. В магазине помада – один рубль, а эту я купила за пять. Да и наши духи нестойкие. Евгения Осиповна, вот попробуйте, как пахнут мои любимые «Серебристый ландыш», жаль, тоже быстро выветриваются.

Бабушка духи одобряет.

– При Хрущеве появились в свободной продаже косметика, лак для ногтей, – говорит мама: – За пять лет при Брежневке начали делать хорошие товары. В этом году приняли план девятой пятилетки, в нем поставили задачу – увеличить выпуск товаров.

– С Индией недавно заключили договор о сотрудничестве, значит, оттуда товары придут, – подсказывает бабушка, она постоянно читает газеты.

– Ничего, постепенно и мы научимся делать не хуже заграничных. Страну нашу войны разоряли. Сколько врагов было и в начале Советской власти!? Ваш муж ведь тоже бан-

ДИТОВ ЛОВИЛ.

– О! Да! – соглашается бабушка.

– Я не член Партии, но я за Партию. Партия вынуждена в каждом подозревать врага, шпиона. Руководители много хорошего делали и делают; конечно, и ошибались – «Лес рубят, щепки летят».

Бабушка одобрительно покачивает головой.

– Вон, к примеру, моего отца в 1937 году арестовали из-за аварии в цехе, люди в больницу попали с травмами, – рассказывает мама: – Папа был начальником цеха на паровозо-ремонтном заводе. Потом был открытый суд в клубе. Там выяснили, что авария произошла не в папину смену, не по его вине. К счастью, и пострадавших из больницы уже выписали. Папу освободили. Вот вам, пожалуйста, и разобрались, что не враг народа!

– Да, ваш папа – очень положительный человек, таких мало, таких должны ценить, – говорит бабушка.

Она закончила прихорашиваться, ждёт маму.

– Как Вам, Евгения Осиповна, хорошо, что не нужно ни краситься, ни делать химку. А у меня всего три волосинки – им нужна стрижка, завивка, – жалуется мама: – Чтоб не быть бледной, подвожу брови, ресницы..

– Ирочка! Ты просто красавица и умница! У моего сына хороший вкус! Если рядом такая жена, то я за сына спокойна, – отвечает бабушка, делает жест как на иконах – соединяет ладони на уровне груди и целует маму в шейку.

Бабушка длинными тоненькими пальчиками берет сумочку, изящно щелкнув застежкой, плавно вкладывает туда свежий носовой платочек, вешает сумочку под локоток, надевает темные туфельки на среднем каблучке и говорит:

– Предпочитаю маленькие сумочки, туда можно положить разные мелочи. Платки на голове не ношу, только шляпки, береты.

Они выходят из дома, идут под ручку, тихо переговариваются.

Мама всегда красится, делает розовый маникюр, а тёмная шатенка бабушка – никогда, но обе душатся духами. Мама в парикмахерской часто делает причёску с лёгким начесом на короткие тонкие волосы с химической завивкой, покрывает лаком. Бабушка на затылке закалывает волной пряди тяжёлых, но послушных, волнистых волос. Они у нее темные, но не чёрные, а мои – еще светлее, прямее и непослушнее. Мама надевает длинные бусы, часики и колечко. Бабушка украшений не носит, только часики «Заря» с металлическим корпусом на кожаном ремешке. Ей очень идёт летнийoble-

гающий серый костюмчик с рукавом в три четверти и прямой юбкой до середины икры. А маме – светлый пестрый костюмчик с глубоким вырезом на груди и юбка до середины колена. Бабушка повязывает на шею неяркий газовый шарфик, мама – нет.

Мама постоянно повторяет:

– Что ни говори, ты, Светик-конфетик похожа на маму твоего отца, Евгению Осиповну, только у нее манеры благородной дамы, а у тебя – не барышни, а дикарки: ходишь как солдат, топаешь как слон, хохочешь громко до икоты. Она ходит мелкими шажками, руками не размахивает, смеётся тихо, при ней всегда носовой платочек.

Ха! Думаю, потому, что она училась до революции в гимназии в Гродно. Ее родители Александровы не были богатыми, и за гимназию платил Семен Георгиевич Полячков – муж старшей сестры Веры Осиповны, он был бухгалтером в казначействе.

Во время Первой Мировой войны Гродно захватили немцы. Александровы бежали в Россию. Они жили в Курске, где мой папа родился, стал художником и потом уехал по распределению в Уфу.

Когда я была в Курске в 1968 году, познакомиться со мной зашла дочь моего папы, Валя, старше меня на 12 лет. В Курске она училась в экономическом техникуме, собиралась за-

муж за сокурсника Михалёва, сегодня у неё есть дочь Ира Михалёва. Наша общая тетя, сорокалетняя тетя Лида, предложила нам посмотреть семейный фотоальбом Александровых.

Ой! Как много я заметила на старинных снимках всякого интересного: тонкие талии, шляпки, хорошие причёски, кулон у тети Веры, колечки на каждой руке и белое ожерелье – у тети Любы, у тети Нади – браслет, у прабабушки Анны – бусики, ридикюль, ботиночки на шнуровке.

– Талии затягивали в корсет, – пояснила тетя Лида и обратилась к бабушке: – Мам, крестьянки ведь корсетов не носили. Говорили, на крещении и на свадьбе тети Любы была жена Виленского губернатора, тете Любе сахарозаводчик подарил кольцо с алмазом, а у тети Нади первый муж – поп, а второй – сапожник.

– Лида, ты все перепутала, это говорили не про нашу родню, – недовольно отреагировала бабушка.

– Мам, а про кого тогда говорили, что, мол, сама – княгиня, а вышла за простого? Он, мол, всё её приданое в карты проиграл, а там было не одно имение.

– Говорили про соседку, – ответила бабушка и добавила: – Мои сестры Александровы шили и вышивали все сами, шляпки делали своими руками, денег на покупки не было. Мы были бедные, из крестьян, работали в огороде. Маме после смерти папы, Осипа Николаевича, приходилось работать

то прачкой, то посудомойкой.

Хм! Как мне стать похожей на курскую бабушку Евгению Осиповну, если даже мама на неё не похожа? К примеру, бабушка любит приготовить что-нибудь вкусное по кулинарной книге, например, отбивное мясо с соусами. Купила нам железный молоточек, чтобы мясо отбивать. Бабушка давно уехала в Курск, а этот молоток так и валяется без дела. Мама любит купить полуфабрикаты в кулинарии: тесто, котлеты, суповой набор, консервные супы в банках, томатную пасту на развес, бочковые соленые огурцы, помидоры и капусту. Папа часто не ест мамины блюда – говорит, что нет аппетита.

Мама вспоминает, что раньше мы ели говядину и свинину только по праздникам, так как меньше зарабатывали. Тогда меня водили в детский сад, за него платили 10 рублей в месяц. Сестре Наташе, старше меня на 12 лет, давали по 30 копеек на школьный обед. Один кг свинины тогда и сейчас стоит 2—2,20 рублей, говядины – 1,90—2, баранины – 1 рубль 80 коп, хека и трески – 60 копеек, мойвы и минтая – 40, селёдки – 1,4 рублей, красной рыбы – 5—9 рублей.

Сейчас мы часто едим мясной суп, котлеты, колбасу. Папа любит буженину по 4—5 рублей за кг. Я люблю рыбу с картошкой, пироги с рыбой, например, с протопомой, а еще – сильно обжаренные макароны-ракушки или рожки с томатным соусом покупным или самодельным с чесноком. Мама жарит до коричневой корочки селёдку, скумбрию, мойву, де-

лает макароны по-флотски, туда добавляет приправу – жареный лук на подсолнечном масле с томатной пастой. Еще обожаю холодец, для него покупаем свиные ножки по 32—60 коп за кг, говяжьи – по 20—30 копеек и долго-долго варим с чесноком, лавровым листом и чёрным перцем горошком.

У меня есть брат Стасик, старше меня на 13 лет. Он редко бывает дома. Если мама задерживается на работе, он может сварить суп, макароны. Наташа умеет хорошо жарить картошку соломкой с луком, получается очень хрустящая.

Папа уверяет, что его мама, Евгения Осиповна, всегда была очень ответственной, скромной, тактичной, аккуратной во всем. И я никогда не видела её растрепанной, в нечистой одежде, и чтоб вещи по комнате разбрасывала, даже в сумочке – порядок, а у мамы – не всегда. Мама никогда не штопает никому дырявые носки, чулки, а сразу выбрасывает. А вот когда бабушка приехала к нам, так перештопала все папины и мои носки.

По словам папы, когда его папа, Константин Михайлович, заболел в 1937 году и вышел на пенсию по инвалидности, то его жена, Евгения Осиповна, которая не работала лет пятнадцать, пошла работать в артель «Печатник» в Курске. Ее хорошую работу заметили и пригласили на должность главного корректора в Областное издательство (оклад 500 рублей). Оно выпускало всю местную печать, например, газеты «Курская правда», «Курский комсомолец» и др. Иногда бабушка

Женя даже писала статьи.

Дедушка, Константин Михайлович, умер от болезни во время войны.

Сейчас бабушка Евгения Осиповна на пенсии уже седьмой год, на зиму она консервирует овощи и фрукты, не перестаёт много читать, ходит в библиотеки.

Бабушка помогала мне делать уроки. Она была недовольна моим корявым почерком, просила переписывать ровнее и делать нажим, при этом повторяла, целуя меня в темечко:

– Ангелочек мой! Мама моя была строгой, часто наказывала розгами. Я так боялась побоев, что выполняла все задания. У мамы было девять детей. Все выучились и в люди вышли. Я начинала учиться в царской гимназии, а окончила – советскую.

Однажды она проверяла мое сочинение и посоветовала:

– Если хочешь грамотно писать, то нужно читать Тургенева. Он хорошо знал язык, правильно строил предложения.

ЗОЯ ЕФРЕМОВНА

По хорошим манерам курская бабушка, Евгения Осиповна, напоминает мою любимую воспитательницу детского сада Зою Ефремовну. Она не старая и не молодая, но лицо всегда доброе и красивое. С нами она играла в парикмахерскую. Светлые волосы, заколотые в валик шпильками, она красиво распускала и от удовольствия закрывала свои серые глаза, когда мы нежно расчесывали, гладили ее белокурые пряди и поправляли очки в позолоченной оправе и такие же часики на браслете-цепочке на белокожем узком её запястье. Дорогая вещь – подарок отца или мужа. Её дочь Алёна училась в школе.

Алёна очень похожа на маму и лицом, и фигурой и тоже любит воспитывать. Когда она приходила к маме в садик, то во дворе лепила с нами снежную бабу или с выражением читала нам книжку «Соленый пес» писателя Фёдора Кнорре. Мы плакали, когда пёс тонул, и радовались, когда его спасли.

Зоя Ефремовна не была большой модницей, но имела вкус, о таких мама говорит:

– Дама с шармом!

Тонкая талия Зои Ефремовны позволяла надевать любой длины платья и широкие пояса. Она носила шерстяную юбку

цвета какао в клеточку, которая из-за мелких складок казалась полосатой, а летом – шифоновое платье с пышными рукавами ниже локтя и светлые лакированные туфли-лодочки на небольшом широком каблуке.

Она никогда не торопилась, не оставляла нас на нянечку, чтобы поговорить с коллегами. При ней дети успокаивались сами собой. Она никогда не повышала голос, никого не стыдила.

По утрам мы спешили в садик, чтобы в игральном уголке с большим ковром успеть взять с полок какую-то нужную игрушку: калейдоскоп, кубики, неваляшку, пирамиду, юлу, бубен, автомобиль, куклу, лошадку и др. Их всем хватало, но всё равно опоздавшие спорили. Зоя Ефремовна сразу всех мирила. С ней никогда не было скучно.

Однажды мама Гали Алексеевой, которая работала портнихой, подарила нам для игр неслыханное «богатство» – много-много кусочков разных тканей. Вместе с Зоей Ефремовной мы без усталости перебирали каждую тряпочку.

– Разве можно из такого шить одежду? Прозрачный как стекло, – удивлялась воспитательница, разглядывая на свет лоскуток капрона в сеточку.

– Конечно, платье для балер-р-рины! – деловито заявляли мы.

Она всегда разговаривала с нами, не сюсюкая, а как

со взрослыми, делая вид, что многого в жизни не понимает, а мы ей, как подружке, всё объясняли.

Не любила садик веснушчатая Лола с белой кожей и целый день сиднем сидела. Мы пытались её развеселить:

– Пойдём играть в догонялки!

Она опускала голову, надувала губы, наверное, стеснялась, что слишком полная, медленнее всех бежит, быстрее устает. Тогда мы тормозили ее нарочно:

– Хватит хныкать, пойдём, плакса!

Лола огрызалась:

– Вот скажу маме Маше, вас наругает!

– Так она же твоя бабушка?!

– Нет, мама, – отвечала она, нахмутив брови.

– Вчера тебя забрала мама Надя. Разве не мама?

– Мама! А после садика пойду к маме Вере.

– Столько мам не бывает! Ха-ха!

– Бывает, – заступалась Зоя Ефремовна: – Просто Лола называет так бабушку и своих тётей, очень их любит, сильно скучает.

Лола прижималась к воспитательнице, а та поглаживала

ее по голове, поправляла большой бант. Нам тоже хотелось обнимать Зою Ефремовну, но мы понимали, что Лоле это важнее, ведь так она спокойнее, без слез, дотянет до конца дня.

Вторая воспитательница, тёмноволосая с яркой помадой малинового цвета, Галина Никитична, была строже. Одевалась не так, как Зоя Ефремовна, а в тёмные узкие юбки и вязанные кофты, наверное, модные, но, на мой взгляд, обыкновенные. Она мало разговаривала с нами, больше ругала, ставила в угол; набедокурившие сопротивлялись, кричали. Я не всегда понимала, что уж такого плохого они сделали, и боялась, вдруг и меня накажет. Дело в том, что я хоть и была послушной молчуньей, иногда застенчивой, но не тихоней, а ротозейкой и хохотушкой, точнее, страдала смешливостью. Поэтому не всегда могла выглядеть хорошо воспитанной девочкой. К счастью, выручали Зоя Ефремовна да подружки-хохотушки.

Мама называла Зою Ефремовну мудрым человеком.

– Не пойду спать! Ещё не доиграла! Не буду убирать игрушки! – капризничала я.

– А кто уберёт?! Ай-я-яй! – возмущалась мама: – Что сказала бы Зоя Ефремовна?!

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЗАПАХИ

Меня родители вечно пилят:

– Света, пора уметь вести себя на людях, как бабушка Евгения Осиповна. Знать не только приличные манеры, уметь красиво одеваться, но и быть интересным собеседником, а не дикой Барой и не мешанкой, как кисейная барышня. Для этого нужно не только много читать, но и посещать музеи, театры, путешествовать.

В Уфе есть только краеведческий музей и художественный имени нашего земляка Михаила Васильевича Нестерова, где я уже была. С родителями каждые летние каникулы куда-нибудь еду. Посмотрела весь Московский Кремль и Грановитую палату, павильоны ВДНХ. Там мы жили в гостинице. Мама ела мороженое на каждом шагу, а я просила мне покупать в булочных ржаные лепешки-коржи, вроде, за 20 коп, таких в Уфе не продают.

Один раз мы летали в Москву по 27 рублей за авиабилет. Правда, в поезде мне больше нравится – там можно кушать в купе, наливать кипяток из титана. В вагоне-ресторане мы ели горячие блюда, так как мама считала, что вредно целый день на сухомятке сидеть. На столиках были скатерти и салфетки из белой ткани, стеклянные солонки и перечни-

цы, горчица в белой чашечке с ложечкой. Когда делали пересадку на станциях, иногда заходили в рестораны на вокзалах, к примеру, в Джанкое в Крыму. Там были такие же белые скатерти и солонки.

На остановках мы выходили из вагона. Садоводы-частники ходили с полными ведрами по перрону, по вагонам и покрикивают:

– Яблочки, яблочки спелые! Груши, абрикосы, слива! Недорого!

На обратном пути мама покупала персики и абрикосы, у нас в Уфе не растут.

Однажды в последнюю минуту на перроне в вокзальном киоске родители решают купить баночку консервированных морских крабов. Мы запрыгиваем в наш вагон. Поезд трогается, набирает скорость. В купе вместе пробуем крабов.

– Бя! Гадость какая! – говорю я первая.

– Да, жёсткие, противные! – соглашаются родители.

Входит возраста моей мамы соседка по купе и с интересом смотрит на нашу банку. Мама ей поясняет:

– Мы никогда не ели крабов. Нам не понравились. Можете попробовать, пожалуйста, – предлагает мама.

Папа хватает эту банку. Хлоп! Крабы со свистом летят из окна. Чмяк!

– Ира, зачем людям предлагать всякую гадость!? – поясняет папа спокойно.

На море мы хотели бы жить в гостинице, санатории или пансионате, но там никогда нет свободных мест. Мама говорит, что у неё 20-летний стаж работы учителем, она давно стоит в очереди в профсоюзной комитете на путёвку в санаторий, но очередь не продвигается никак.

Летом 1968 года мы купили авиабилеты по 31 рублю за место и полетели отдыхать в Адлер, потому что в Адлере моя старшая сестра Наташа. Она сначала работала в Уфе на большом приборостроительном заводе или «Сороковом», а, когда в Адлере завод построил для своих сотрудников пионерский лагерь, то туда поехала поработать годик, на мир посмотреть.

В Адлере мы снимали комнату в частном доме вдовы Марии Ивановны. До пенсии она работала на местной чайной фабрике, и нам так расхвалила их чай «Краснодарский», что теперь только его и покупаем.

Мария Ивановна живёт с сыном Вадимом, его женой Верой, их маленьким сыном Костиком и собачонкой Беликом. Мне нравилось ужинать в их саду под навесом из вино-

градной лозы. Ужин затягивается до заката. Стол окружают светлячки, и стрекочут сверчки, невидимые в темной траве среди листьев самшита, лавра, магнолии, туи. Воздух здесь влажнее, чем в Уфе. Бабочки-однодневки облепляют электрическую лампочку и падают на нашу еду: варёная картошка, овощи, молочные сосиски, колбаса, сметана. К вечернему чаю выходят почти все квартиранты, попивают виноградное вино, которое покупают у винодела из соседнего дома.

Среди квартирантов были и уфимцы. Как-то раз слышу:

– Лена, я не собираюсь и на отдыхе стоять у плиты! Сегодня вечером опять идёшь в пионерский лагерь развлекаться до поздней ночи с друзьями? Ребёнка опять на меня брошишь?!

А Лена не отвечает своей маме. В Уфе она работает журналисткой, и в этот пионерлагерь она ходит к уфимцам.

Я подружилась с Беликом. Он размером с моего песика Вильку, который остался дома, только цвет короткой шерсти Белика какой-то серый да и характер спокойнее. Ой! У него так много блох!

Однажды Мария Ивановна предлагает маме и мне:

– Ир, Свет! Возьми бы с собой Белика. Никогда не видел моря. Пусть искупается. Хотя морская вода и не убивает блох, но её не любят. Если сбежит половина, то и то хорошо.

Ах! Как я обрадовалась! С ним так хорошо гулять – ни на кого не бросается, слушается команд, поводка не нужно. По первому моему зову лезет в море, плывёт за мной. Выходит на берег, отряхивается. Батюшки мои! Что с его шестью?! Оказывается, она – не серого цвета, а почти белого! Вот те на! Неслучайно Мария Ивановна просила нас его искупать, ведь у неё нет времени с ним возиться. Она копит деньги на ремонт крыши, поэтому для квартирантов сама стирает постельное белье на стиральной доске хозяйственным мылом, переглаживает утюгом, каждый день убирает их комнаты, ещё и обрабатывает огород, виноградник в саду. Её сын все время на работе, где он водит грузовик. Он хочет купить машину и тоже копит деньги.

В 1969 году в Феодосии мы жили в доме матери и взрослого брата папиного приятеля, художника Толи Азмученко. Я тоже подружилась с их охотничий собакой по кличке Дели: длинные уши, короткая белая шерсть, темные пятна.

Сам Толя живёт с женой и ребенком в Уфе. Из крымского дома его мамы вдалеке видно море и салют с кораблей в День Военно-Морского флота. В саду такие сочные персики – никогда таких не ели! Улица с одноэтажными домами была на высокой окраине города, рядом – плантации цветущей лаванды. Я гуляла там с соседскими девочками. Дели не отходил ни на шаг. Запах лаванды! Немного похож на шалфей.

От дома к автобусу родители и я спускались легко и ехали несколько остановок до пляжа. Вечером от остановки поднимались в гору, нас встречал и сопровождал Дели. Один раз брат Азмученко угощал на берегу моря жареными на костре мидиями. Мы пробовали впервые.

Когда настал час отъезда, папа взял чемодан, и мы пошли на остановку. Дели шёл рядом, потом долго-долго бежал за нашим автобусом... Я заплакала.

Каждый раз, когда мы отдыхали на море, несколько дней обязательно бушевал шторм, и лил дождь. Тогда мы накидывали болоньевые плащи и совершали автобусные экскурсии в Никитский ботанический сад, дом-музей Чехова в Ялте, Воронцовский дворец в Алушке, музей Айвазовского в Феодосии, диораму штурма Сапун-горы в Севастополе и др. Когда были на Кавказе, то ездили смотреть Гагры, озеро Рицу, мост царицы Тамары, Красную поляну, Сочинский дендрарий, парк Ривьеру, обезьяний питомник в Сухуми.

Теперь собираемся отправиться в Ленинград, там живёт племянница дедули Серафима Николаевна Дорохова-Воробьева. Я узнавала, что 11 рублей стоит билет «Москва-Ленинград» на поезд, а авиабилет – 18 рублей.

Мы ездили ещё мало по нашей Башкирии, по Уральским горам. Я с родителями была только в доме отдыха на озере Ургун в Учалинском районе, 350 км от Уфы, и на Павловском водохранилище с ГЭС, где разные дома отдыха у поселка Павловка, 80 км до Уфы. На водохранилище мы по-

ехали с маминым классом на несколько дней. Взяли палатки, котелок, вскладчину еду: хлеб, консервные супы, тушёнку, сгущёнку. В первый же день были на экскурсии по ГЭС, начался дождь и резко похолодало. Решили заночевать в сельской школе. Сырость! Жуть! А мальчишки умудрились разжечь костёр, испечь картошку, вскипятить воду. Ели с тушенкой. Утром продолжался дождь и холод. Бр-р! Пришлось вернуться в Уфу на рейсовой Ракете – теплоходе на подводных крыльях – по реке Уфимке.

Гм-м! Становлюсь ли я умнее после таких походов?...

Природа очень красивая на Павловском водохранилище и на озере Ургун. Когда мы были на этом озере, тоже стояла неважная погода. Озеро большое и глубокое, много разной рыбы, рядом лес, где тьма-тьмущая грибов, земляники. Мама не стала собирать грибы, так как их не знает. Зато нарвала большой букет фиолетового шалфея. Пили с ним чай всю зиму; пахнет немного лавровым листом, немного ёлкой и лавандой.

Хм! Только сейчас я поняла, что каждое моё путешествие связано с каким-то своим особым запахом. Интересно, как будто сам собой он появляется в носу: Москва – это запах ржаной лепешки; Адлер – магнолии, моря, варёных креветок; Феодосия – персиков, лаванды; Уральские горы – шалфея, зверобоя; Рига – духов «Рижская сирень».

«РИЖСКАЯ СИРЕНЬ»

В эти весенние каникулы я, мама и 15 учеников из её 7-го «А» школы №64 ездили на поезде по турпутевке. Три дня мы жили в гостинице за городом. Каждый день за нами заезжал туравтобус, возил на экскурсии и в столовую. Мы много гуляли по старой Риге, видели реку Даугаву, площадь с ратушей, памятник Латышским стрелкам. Хотели попасть в Домский собор на концерт органной музыки, но все билеты были проданы. В киоске взяли пластинку с записью органа в этом соборе. Съездили на очень грустную экскурсию в концлагерь «Саласпилс». Там во время войны фашисты держали и детей, делали над ними опыты, многие умирали. До сих пор вспоминать страшно.

В магазинах Риги мама купила лак для ногтей, перламутровую помаду, духи фабрики «Дзинтарс» «Рижская сирень», шапку в виде кепи из малиновой замши, мне – кулончик из янтарного кубика на замшевой тесемке. Девочки набрали косметики фабрики «Дзинтарс»: тушь для ресниц, модные тени для век, компактная пудра, пудра «Рашель», тональный крем и разные духи, одеколоны.

Ух! Как девочки пели всю дорогу в поезде! Зашибись! Знают много старых и современных песен, даже все куплеты моей любимой «Золушки»:

Хоть поверьте,
Хоть проверьте,
Но вчера приснилось мне,
Будто принц за мной примчался,
На серебряном коне...

Дома я уже отдохнула от поезда.

Я и мама так часто душились «Рижской сиренью» во время поездки в Ригу и после, что пузырьёк почти закончился. Когда его открываю, вспоминаю наше путешествие. А потом некоторое время этот запах, прям, стоит в носу.

ШУБКА-БАБОЧКА: О МИРОВОМ ПРОГРЕССЕ

Моя старшая сестра Наташа – очень современный человек! Потому что покупает и носит только самые современные вещи. Она старше меня на 12 лет, работает монтажницей на приборостроительном заводе, где её портрет висит на доске почёта передовиков производства.

Ой! У нее есть такое, прям, такое современное, прям, передовое! Сейчас расскажу.

Итак, три года назад, в 1968 году, Наташа поехала отмечать свои 20 лет к своему отцу Георгию в Мичуринск и к его маме – в Саратов. Возвращается домой в Уфу, а на ней такое-растакое чудо чудное – импортная шубка из синтетического меха под мутон: мягкий-премягкий, легкий-прелегкий. Сверху донизу идут поперечный широкие полосы, как говорит мой папа Юрий, с мягким переходом оттенков серого цвета: от темного с фиолетовым отливом к дымчатому. При каждом движении со всех сторон колышутся мягкие фалды до колен. Рукав тоже расклешен, а воротник – шалькой. Ах! Красотища! Как в иностранном кино!

– Наташенька, что это за распердёйка?! – спрашивает мама иронично.

В нашей местности лёгкие куртки иногда называют «пердэйками», а наша мама ради смеха – «распердейками».

– Мама, какая ты тёмная! Это последний писк моды – «бабочка»!

– Ах, твоя «тёмная» мать всего лишь университет окончила, в Академии не училась, – всплёскивает руками мама: – Да какой же такой «академик» придел мою дочь так, что этим сразу вывел её, как говорится, из грязи в князи? Иными словами, была она отсталой провинциалкой, а в шубке-бабочке сразу сделалась передовым человеком и теперь стоит на одной ноге с высокоразвитыми, цивилизованными, людьми!

– Папа с бабушкой подарили. Они-то следят за мировым прогрессом. Папа не лыком шит – медицинский институт закончил, – отвечает Наташа колко, гордо и игриво.

– Нет, дорогая моя, ты – не современный человек, а становишься самой настоящей мещанкой! Гоняешься за модным импортом. Все шкафы шмотками забила, а носить не успеваешь – мода уходит быстрее.

– Лучше быть первой модницей Уфы, чем отсталой и заумной какой-то тётей Мотей!

– Учиться тебе надо, получить хорошую профессию. Тогда появятся в жизни серьёзные цели, и перестанешь время и деньги тратить на пустяки.

– И без твоих академий и университетов я могу любой

разговор поддержать и не лезу за словом в чужой карман никогда! А в хорошей одежде и вовсе становлюсь уверенной в себе – мне палец в рот не клади! Любого за пояс заткну!

– А ну-ка, профессор кислых щей, ответь: когда собираешься носить-то это «новейшее достижение» рода человеческого – твою «бабочку»?! Теплой подкладки нет, коленки открыты, поэтому зимой замерзнешь, а весной и осенью – вспотеешь. Наша зима длинная и холодная, а весна и осень – короткие и дождливые.

– Ничего, зимой до автобусной остановки добегу. Холодрыга в трамвае и троллейбусе, а в них все равно я не езжу.

– Шутишь, ма шер?! Какая свистопляска-то зимой – автобусы ходят, как им вздумается, да и моторы глохнут постоянно от низких температур, иногда и до – 40° доходят. Такси тоже не поймаешь! Пока будешь ждать на остановке, окоченеешь без ватных подштанников! И автомобиля у тебя нет...

– Придётся прикупить к шубке, – шутит Наташа и говорит деловито: – Просто нужны теплые сапожки выше колен, какие я видела в журнале мод. Надо у моих барыг поспрашивать.

– Унты, унты заграничные проси! – смеётся мама.

У барыг сестра так и не нашла подходящих сапог, а купила с голенищем ниже колен, зато более моднющие и фирменные – «Саламандер», ФРГ. Их высокая платформа – «манная каша» – это новейшее мировое изобретение. Такие са-

поги редко можно встретить в Уфе. К ним она прикупила импортную маленькую сумочку-чемоданчик с короткой ручкой. Глаз не оторвать!

В нашем городе бывает несколько дней в году, когда можно пофорсить в шубке-бабочке даже и без тёплых штанов. Ах! Представляете!? Сестра идёт, а полосатые фалды «бабочки» так и покачиваются в разные стороны, мягко перекачиваются то туда, то сюда. Прохожие так и оглядываются, так и замирают на месте, особенно в нашем районе у Горсовета. В Уфе есть места, где намного чаще можно встретить модно одетых людей, например: около зданий Обкома партии, Совета министров Республики, Оперного театра, Главпочтамта и в северной части города у Дворца имени Серго Орджоникидзе, который строили нефтяные заводы. Там живут всякие начальники, как говорит папа, «шишки».

Прошло три года, а «шубку-распердейку» сестра толком и не носила. Она собирается ее как-то переделать, чтобы утеплить. Теперь эта красота так и валяется, так и пылится где-то на нашей подложке. Так мама называет антресоль, которую папа сделал из досок и фанеры под потолком прихожей.

Вы думаете, что мама против мирового прогресса, новых открытий? Сначала я тоже так подумала. А она, как только увидела у барыг импортное платье из недавно изобретенного кримплена, так сразу купила и денег не пожалела. Это модное платье не мнется, легко стирается, удобное во всех от-

ношениях и ей очень идёт: карманы, круглый рубашечный воротничок, цвет темно-коричневый. Широкие и длинные юбки её полнят, а этот фасон – с прямой юбкой чуть ниже колен.

Наташа купила себе тоже не в магазине импортный кримпленовый костюмчик синего цвета: юбка выше колен на кокетке с бантовыми складками и короткий пиджачок с английским воротником.

Не хочу быть мещанкой, но почему-то все равно люблю красивые вещи, одежду. Всегда помню поговорку: «Встречают по одежке, а провожают по уму».

НЕОДИНАКОВЫЕ ПОДРУЖКИ

1 сентября 1971 года.

Среда.

В Уфе +23 °С, без осадков.

Сегодня целый день и по радио, и по телику гоняют песню композитора Дмитрия Кабалевского:

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею.
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад...

Мама и я вернулись домой после первых школьных уроков. Уф! Как назло! Не успели еще выкинуть завядшие цветы с моего дня рождения, как опять всю квартиру заставили новыми, что сегодня маме надали ученики.

В моем 5-м «А» классе оказалось много перемен: новая классная руководительница Гущина Полина Зиновьевна будет преподавать только математику. Она нестарая и не очень молодая, носит причёску из забранных сзади длинных черных волос; высокого роста, стройная. Многих стареньких ребят нет, например, Саши Негодяева, Саши Недайвозова, есть много новеньких: Фатихова Зухра, Ганеев Рим, Шигаев Ри-

нат, Скурихина Рита, Хазиева Эльвира, Нигматзянова Света, Синицына Лена, Кравец Оля, Половникова Лариса, Машаров Сережа, двойняшки Кондратьевы Паша и Маша, Видинеев Саша, Зотов Саша, Стурова Люда, Бабичева Гульсум, Сидорова Таня, Яковлев Леша и др.

О-го-го! На физре девочки начали строиться по росту. По привычке я пошла в голову шеренги, где всегда было моё место.

– Света! Ты куда?! Привыкла впереди всех стоять. А ну-ка уступи место тому, кто выше тебя, – сделали замечание одноклассницы игриво.

За лето наши девочки так вымахали, что я оказалась третьей от конца. А ведь в первом классе я стояла первой.

В 1967 году я пришла в первый раз в первый класс, и нашей учительницей оказалась немолодая с добрым лицом Седова Тамара Петровна. Говорили, что когда доведет нас до 4-го класса, то уйдёт на пенсию. Она носила очки, короткую стрижку с завивкой, фигуру имела полноватую, красила губы малиновой помадой, потому что брюнетка. Мне нравилось, как она объясняла, никого не ругала, но плохие отметки ставила.

Как же я намучилась с чистописанием! Однажды папа помогал мне его делать. Мои деревянные пальцы плохо держали перьевую ручку. Еле-еле напишу в тетради первую строч-

ку, а чтоб начать вторую, макаю перо в чернильницу, но фиолетовых чернил на пере оказывается или слишком мало, или слишком много, и я не успеваю убрать промокашкой лишние чернила, как – бом! – капля шлепается на лист. Так я, заново переписывая, испортила три новых тетради. Четвёртой чистой тетради дома не оказалось. Магазины уже закрыты. Тогда папа аккуратненько-преаккуратненько срезал кляксу острым-преострым лезвием для бритья. Вроде, получилось хорошо, но Тамара Петровна вклеила мне первую и последнюю в моей жизни единицу!

– Юра! Это тебе учительница поставила единицу, – иронизировала мама.

В 1967 году в нашем первом классе было учеников примерно тридцать. Среди них из моей группы детского садика – Оля Пыжьянова и Ромка Никитин, из нашего дома – подружка Ирина Гуртовенко.

Ира уже умела читать и писать, поэтому сразу стала отличницей и звеньевой, её раньше меня на торжественной линейке приняли в октябрята, прикололи значок октябрёнка – красная звёздочка с золотым Лениным. Родители не учили меня читать и писать до школы, говорили:

– Если будешь уметь, то в школе будешь лоботрясничать.

У Иры белая кожа, светлые волосы, а ресницы и брови тёмные; при случае она гордо поясняет:

– Мой папа – украинец, а мама – русская.

Зимой она носит светлую кроличью шапку и тоже светлые мягкие валенки-самокатки. Говорит, что такие катают в их украинской деревне, недалеко от Уфы. Они быстро протираются, поэтому их носят с черными галошами. Мне покупают в магазине обычные черные валенки – ноские, но грубые и неудобные.

Ире к школьной форме ее мама связала крючком воротничок из белых хлопковых ниток и сшила фартук из чёрного сатина с широкими крылышками и завязкой сзади в виде широкого банта. А у меня – покупной из чёрной полушерсти и без крылышек.

В то время я подружилась с соседками по подъезду Гузелью Гумеровой и Таней Никитиной, а в музыкальной школе – с Волковой Тamarой.

Все девочки одинаково хорошие, но всем вместе дружить почему-то не получается. С каждой дружим по-разному. Например, с Ирой мы по выходным бегаем на каток, в кино и ищем весёлые приключения. С этого года она учится в художественной школе-интернате, бывает дома только на выходных.

В третьем классе во второй четверти 1969 года учитель

ритмики отобрал из класса семь девочек, куда попали Ира Гуртовенко и я. Разучил с нами красивый башкирский народный танец «Семь девушек» под аккордеон, играл сам.

– Света, ты делаешь это движение руками, будто показываешь, как едет паровозик, а нужно плавнее опускать руки, – учили меня девочки.

В башкирских костюмах мы выступали на концертах в школе и во Дворце Культуры. Ой! Как было страшно первый раз выходить на сцену! Как говорит Гуртовенко, вся перепаратилась. Сначала за кулисами от страха похолодели кончики моих пальцев, а на сцене от ярких прожекторов стало так жарко, что покраснелось лицо, выступил пот.

После третьей четверти учитель ритмики уехал куда-то, уроки танцев прекратились.

С улыбочивой Тамарой Волковой с ямочками на щеках мы виделись только в музыкальной школе №10, а после занятий она всегда спешила домой делать уроки – круглая отличница. У нас были одинаковые учителя: по специальности «фоно» – сначала Сайкин, потом – Людмила Федоровна Кузнецова, по сольфеджио – Фарида Григорьевна Габитова, по хору – Ефремова Людмила Ивановна. Я учусь музыке неважно и без желания, а Тамара в прошлом году перешла в школу для музыкально одарённых детей.

Хор нашей музыкальной школы ездил на городские кон-

курсы во Дворец машиностроителей, Дворец имени Серго Орджоникидзе; пели песни: «Со вьюном я хожу», «Красная гвоздика»:

Красная гвоздика – спутница тревог,
Красная гвоздика – наш цветок...

Потом пели песню «Ленин всегда с тобой»:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой
В горе, в надежде и радости.
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне!...

Таня Никитина дружила с нами только под присмотром родителей. Она старше на год. Однажды предложила мне:

– Давай играть в мечту – придумывать про то, как бы мы жили, если бы были взрослыми, какая у каждой была б семья, дома, вещи, мебель, одежда. Подготовься, завтра расскажем друг дружке.

На следующий день она спрашивает:

– Знаешь, где будет стоять мой дом?

– На улице, – отвечаю я, удивляясь вопросу.

А Таня таинственным голосом произносит:

– Далеко-далеко в лесу...

Смотрит на меня, прищуривается и показывает свой рисунок, где среди деревьев стоит дом с окнами и дверью.

– Ух, ты! Как здорово! – восхищаюсь я: – Тоже буду жить там!

Почти каждый день мы рассказывали друг другу новые выдумки про «Далеко-далеко в лесу», собирали всякие вещички, которые пригодятся в вымышленных «лесных домах», только рисовать мне было лень. У Тани вообще всё получалось лучше, а я удивлялась, что не могу так же здорово фантазировать.

Танина мама, Берта Альбертовна, порой нам подсказывала, чтобы было интереснее. Она всегда вежливо со всеми разговаривает, работает в поликлинике, а её муж Евгений Иванович – учителем труда в школе, человек спокойный, в отличие от моего непоседливого папы. Таня вся в своего папу – не болтушка и домоседка.

Моя мама дома ходит в простых тапочках, широком халате, часто с бигудями на голове, а стройная Берта Альбертовна – всегда в хорошей одежде, с аккуратной стриж-

кой и в красивых очках. У Тани тоже хорошая стрижка, но с длинной чёлкой и светлее волосы.

Мама моя часто повторяет:

– Подружки-то самостоятельнее тебя и вообще поумнее, время зря не прожигают во дворе с ребятами.

Ха! Ира Гуртовенко самостоятельнее потому, что ее учат жизни старшие сестры Люба и Таня, они школьницы, а Гузель потому, что до третьего класса прожила в детском санатории из-за слабого здоровья и возвращалась домой только на выходные.

25 сентября 1971 года

Суббота.

+14 °С.

Сегодня мы ходили в новый кинотеатр «Искра» на широкоформатный фильм «Гойя, или Тяжкий путь познания»; иностранные актёры и наши: Банионис, Чурсина, Шенгелая, Васильев. Фильм сделали четыре страны: СССР, ГДР, Болгария, Югославия. Что-то в нем я поняла, что-то не поняла; фильм красивый, о знаменитом испанском художнике, о борьбе испанцев за освобождение от Франции.

После школьных уроков и музыкалки нет времени смотреть телек, да и мало что интересного было в сентябре, кро-

ме следующих телепрограмм:

21 сентября в 21.30 – концерт народного артиста СССР С. Лемешева; в пятницу 24 сентября – телефильм о французском миме Марселе Марсо; художфильм «Встречи с Игорем Ильинским». По-моему, комика Игоря Ильинского не любить нельзя, похож на Чарли Чаплина.

Часто показывают телепрограммы, которые я не понимаю, потому что ещё маленькая: «Сельский час», «Труженики села», «Шаги пятилетки», «Ленинский университет миллионов», «Пионерград», «Костёр», «Пионерия на марше».

Зато не пропускаю программы: мультики, «Музыкальный киоск» с ведущей Элеонорой Беляевой, «Ребятам о зверятах», «В мире животных», «Клуб путешественников» с ведущим Шнейдеровым.

«ЗАПАДНИЦЫ»: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ И СОФИЯ

30 сентября 1971 года.

Четверг.

– Зачем таскает тяжести? Наверно, килограммов десять яблоч. Присылала же их нам в августе, зачем опять? – говорит мама недовольно, прочитав извещение о посылке из Курска от папиной мамы Евгении Осиповны.

– В Курске яблоки лучше наших, да и таким образом хочет помянуть своих сестёр АлександрОвых (ударение на букву «о»). Старшей Вере исполнилось бы 85, – защищает папа свою маму.

– Пап, какая была Вера? Что ты знаешь? Где жила? – спрашиваю я без особой надежды получить ответ.

О своей семье бабушка и папа говорят мало, а мне интересна любая мелочь.

Знаю, что все Александровы и папа, как говорит моя мама, одной породы: тёмные широкие брови, длинные ресницы, серые глаза, удлинённое лицо, маленький подбородок, густые темно-русые волосы и узкие запястья.

В Курске я видела в фотоальбоме фотографию молодой красивой Веры в белой кофте с воротничком-стойкой,

окантованной тонкими кружевами. На другом портрете она стоит в тёмном длинном платье с тонкой-тонкой талией. Есть снимок, где стройная Вера в длинном темных пальто и шляпке с большим пером, рядом – статный муж Полячков с гусарскими усами, одет в форму казначейства: фуражка со значком, пальто с петлицами. Эх! Как красиво одевались – не то, что сейчас.

Папа рассказал про четырёх сестёр своей мамы, получил-ся целый роман.

Вера.

Папин рассказ.

Я помню с трёхлетнего моего возраста родную тётю Веру Осиповну, тогда, в 1927 году, было ей лет сорок. Жила она в восьмиметровой комнате на первом этаже коммунального десятиквартирного дома №10 по улице Мирной, в Курске. Мы занимали сорокаметровую комнату на втором этаже. С тех пор прошло почти 50 лет.

Тетя Вера сама себя называла повитухой или акушеркой в отставке. Есть такая присказка: «Бабка повивальная – всем родня дальняя». В 1910 году в 25 лет она имела свою акушерскую практику в уездном городе Бельске под Белостоком в Западной Белоруссии. Ее даже звали «бабушкой Верой», потому что в старину молодых повитух не было – незамуж-

них и бездетных к такому занятию не допускали. Во времена молодости тёти Веры становиться повитухами незамужним разрешили, хотя по привычке называли их «бабушками». Потом Вера вышла замуж, перестала работать акушеркой, но по-прежнему получала открытки от деток, которые продолжали называть её бабушкой. Советская власть повивальных бабок отменила, заставила рожать в роддомах.

В комнате тети Веры на Мирной улице присесть-то было не на что. Стол и кровать только и были настоящими, а пуфики и тумбочки – это картонные коробки для шляп, забытые несезонной одеждой. Вся эта якобы мебель была покрыта салфетками из ручных кружев и мережки. Словом, маленькое жилище напоминало мне кукольный домик.

Тетя Вера часто вспоминала прежнюю жизнь.

Рассказ тётки Веры.

Мы жили в городе Бельске Гродненской губернии. В нашем доме было 9 детей: 3 мальчика и 6 девочек, еды хватало всем. На Пасху готовили «пасху» из творога и сотни яичных желтков, запекали окорок, буженину, а с орехами, изюмом пекли польское печенье «Мазурка» и делали другие лакомства. Наш батюшка, Осип Николаевич Александров, как ребенок играл с нами, водил хоровод вокруг елки, в саду катался на качелях. А мама всегда строгая. Он был присяжным поверенным в уезде. Болел, умер перед империалистической

войной.

Младшая моя сестра Надежда первая вышла замуж за священника, первая родила двух девочек: в 1905 году – Иру и в 1906-ом – Люду. Сейчас они живут в Воронеже, стали мамами, почти ровесницы нашей младшей сестры Сони.

С 1905 по 1930 я девять раз стала тетей. Всем малышам сшила по новому костюмчику. Всегда нравилась мне не выходящая из моды классическая матроска. Для девочек мастерила из легкой белой ткани воздушные летние платица. На фотографиях мои голубочки как ангелочки! Всевышний не дал мне стать матерью.

В 1911 году в Бельске я вышла замуж за Семена Георгиевича Полячкова, служил он бухгалтером сначала в Уездном казначействе в Бельске, а с 1912 года – в Губернском казначействе Гродно. По чину нам полагалось обращение «Ваше высокоблагородие». В трудную минуту, когда семья потеряла отца-кормильца, Осипа Николаевича, ангелом-хранителем нашим стал Семён Георгиевич, имел сбережения в банке. Тещу, Анну Осиповну Александрову, маленьких своячениц, Женю и Соню, взял в свой дом в Гродно. Деткам оплатил учебу в гимназии. Казалось, жизнь без отца, под крылышком ангела нашего, Семена, стала налаживаться, но в 1914-м началась война. Наш спаситель разорился, «сгорели» русские капиталы на занятой германцами территории. Мы оказалась без средств, только жалование Семы.

В войну все жили плохо, многие люди голодали. Когда ка-

заки в котле варили кашу с маслом, салом, то бедные дети собирались рядом, ожидая подачки. Племянник мужа служил в армии. Семен, как государственный чиновник, давал присягу на верность царю, поэтому в 1915-м по приказу эвакуировался с казначейством из Гродно. Мы с мамой и сёстрами последовали за ним, за отступавшей армией. Когда прибыли в Россию, пятнадцатилетнюю сестру Женю-Женюрку определили в Орле в учительскую семинарию. Мама Анна Осиповна с маленькой десятилетней Соней поселилась в Коренной Пустыни (сейчас посёлок Свобода) под Курском. Туда из села Парцево, которое рядом с нашим родным Бельском, приехали 25-летняя сестра Люба с мужем Антоном Васильевичем Сорокиным и их годовалым сыном Колей, потом приехала в Коренную и сестра Антона – вдова Маша с дочкой Зиной и сыном Колей Жухневич.

Я и Сема сняли в Курске квартирку на Верхне-Гостиной №40. Служить его определили чином ниже, чем в Гродно.

Мои братья Александровы Сережа и Антон были на фронте. Антон до войны прислал фотокарточку в офицерской форме. Как красиво он поёт романсы:

Белой акации гроздь душистые
ночь напролет нас сводили с ума...

Старший мой брат Владимир Александров связался с оппортунистами, до революции подрался с полицейским и сбе-

жал за границу с невестой – дочкой лесопромышленника, вестей нет.

Мой Сема не был доволен своим новым положением в Курске, переживал, болел.

Началась революция в Петрограде. Я с мужем поехала в его родную Оршу. Служила там сестрой милосердия в госпитале. В 1921 на 50 году жизни Сема скончался от болезни печени. Я стала вдовой в 35 лет. В это время в Коренной пустыни заболели тифом наша мама Анна Осиповна и сестра Женя-Женюрка, мама умерла.

Да, судьба распорядился так, чтобы из всех детей только Люба и Соня проводили её в последний путь. Потом я вернулась из Орши в Курск к моим осиротевшим сестренкам: крестнице Жене-Женюрке двадцати лет и Соне шестнадцати лет.

Папин рассказ.

В Курске было много беженцев из Белоруссии. Их и нашу семью стали называть «западниками».

К тете Вере часто приходила вдова тётя Лена, старше моей бабушки Анны Осиповны, но с одинаковой девичьей фамилией Мартишевская. Я так и не понял – тетя Лена была то ли сестрой, то ли тетей моей бабушки, Анны Осиповны. Тетя Лена тоже бежала из Гродно, её муж был полицмейстером, фамилия, вроде, Дынга, Демша или похожая. Она жила в до-

ме престарелых, называли «Инвалидным домом», в пригороде Курска. Тетя Вера и моя мама недолюбливали ворчливую тётю Лену. Хотя старушка всегда помогала им стряпать. Она порой шлепала нас, детей, если спешили попробовать ее стряпню, приговаривая: «Не лезь без спроса!» Ей в 1930-х годах было около 80 лет: худощавая, среднего роста, темная, длинная, до полу, коса, закрученная на затылке. Выглядела барыней и часто носила белое, например, летнее пальто из чесучи, длинный широкий шелковый шарф.

– Тетя Лена, какая аккуратная ваша светлая одежда, – хвалила ее тетя Вера.

– Чтобы ткань долго сохраняла вид, всегда стираю в холодной воде, – отвечала она.

Я слышал, как зачем-то тётя Лена приговаривала:

– Я-то вышла замуж за дворянина!

То ли так попрекала, стыдила, тётю Веру, всех сестёр Александровых, их покойную мать Анну? То ли просто так бурчала? Ишь! Барыня какая! Никак не могла забыть свою барскую жизнь.

Я читал про родной край моих предков Александровых, который потеряли – он на землях древней Белой Руси. За него боролись веками Литва и Польша, после войны

1812 года край вернулся к России. До 1915-го край состоял из двух уездов – Белостокского и Бельского – Гродненской губернии. В 1845 году их присоединили к Белоруссии. Тогда в Белостоке царь поставил таможду, понаехали торговцы, фабриканты. Город расцветал, по числу жителей – почти как в Курске, тысяч шестьдесят. После Первой Мировой эта земля перешла Польше, называется теперь Подляшье. А Гродно вернулся в Россию в 1939 году.

Сначала в нашем доме тетя Вера жила одиноко, шила и слушала пение канарейки. В конце 30-х забрала к себе больную сестру Соню с её детьми Ритой и Евгением. Тетя Вера следила за речью племянников, старалась исправлять дикцию, чтобы не привыкли к курскому твердому произношению буквы «г». Правда, у нее самой был лёгкий польский акцент. Соседка Чернова, коммунистка, занимавшая какую-то должность, спросила однажды тётю Веру:

– Вы – полячка, пани Полячкова?

– Какая полячка! Я – русская. Акцент мой! Просто вокруг говорили по-польски, и в гимназиях преподавали польский язык наравне с русским.

Вера целыми днями сидела за ручной швейной машинкой «Зингер», выполняла заказы по пошиву женского белья, мужских сорочек и пр., умела делать сложные выкройки, декоративную отделку, кружева. Однажды шила на заказ белые

халаты для медиков. Таких мастериц называли белошвейками. В конце 1930-х годов эта надомная работа стала нелегальной, поэтому с клиентами тетя встречалась в «безопасных» местах. Рулоны материи всегда прятала от финансового инспектора, которого называла «фином». Если тетя Вера приступала к выкройке очередного заказа, то произносила с иронией:

– Посмотрите, не идет ли «фин»!?

У тети Веры в её маленькой комнате на Мирной-10 всегда были гости. Они с удовольствием соглашались ночевать даже на полу. Некоторое время у нее жила монахиня из какого-то ликвидированного монастыря, таких было в стране много. Например, закрыли монастырь в центре Курска и открыли в нем кинотеатр «Октябрь».

Надежда.

Тетю Надю – вторую по старшинству сестру Александровых – я видел только на фото. Моя мама рассказывала про неё мало; у неё были две дочери Ира и Люда. Старшая Ира с двумя дочерьми и мужем жила в Воронеже. Я не помню ее фамилию по отцу, а по мужу, кажется, Зайцева. Моя мама показывала их фотоснимок 1930-х годов. Я удивился, что Ира совсем не похожа на Александровых: лицо круглое, гу-

бы полные. Две её девочки пяти и семи лет тоже не в нашу породу.

Однажды в 30-х годах тетю Веру приехал провести представительный муж Иры. В его присутствии семилетняя Рита Слащева – дочка моей тети Софьи Осиповны – занималась своей куклой: и кормила, и переодевала, и качала. А он подтрунивал:

– Рита, ты такая большая, а играешь в куклы. Моим маленьким дочкам – твоим кузинам – игрушки уже не интересны.

Вызвал переполох приезд Людмилы – младшей дочери Надежды Осиповны. Люда работала в Таджикистане цирковой акробаткой, наездницей. Курским теткам не понравилось, что она носит брюки, курит и слишком громко хохочет, разговаривает. Особенно недовольной была тетя Лена, возмущалась:

– Что за манеры, что за вульгарность?! Что за костюм! Женщина не должна носить штаны!

Любовь.

В селе Парцево под городом Бельском Бельского уезда в 1912 году Любовь Осиповна Александрова, пятый ребёнок

в семье, вышла замуж за учителя Антона Васильевича Сорокина (Сорока), из крестьянской семьи. Он был учителем в сельской школе, а она там – учителем кройки и шитья.

В 1915 году по распоряжению властей они с сынишкой Колей эвакуировались в Россию и продолжали преподавать в Курском крае в Коренной Пустыни, сейчас поселок Свобода. После революции Антон Васильевич стал директором сельской школы в Карасевке Бесединского района Курской области. Любовь Осиповна преподавала там в младших классах, заведовала небольшой библиотекой и помогала по хозяйственной части, так как, по словам моей мамы Евгении Осиповны, была практичной и умела договариваться с людьми.

По словам моей сестры Лидии, Любовь Осиповна не была врачом, но якобы умела лечить, готовила лекарства из трав. Некоторые лекарства привозила из городских аптек. Люди к ней приходили за лечением.

В школьном дворе стоял большой дом с тремя большими комнатами, который принадлежал школе. В нем жили Сорокины. Работы было много в личном хозяйстве. Тогда учителя держали огород, птицу и скотину.

Антон Васильевич был заядлым охотником на рябчиков и очень гостеприимным человеком, летом приветливо принимал всю курскую родню. Во время таких поездок я любил просматривать их толстые подшивки дореволюционного журнала «Нива», которых насчитывалось 15 штук.

Я и Лида дружили с их сыном Женей и дочкой Людой-Люсей – почти нашими ровесниками. Женя так пел, что в доме лопались лампочки! На деревенских посиделках он играл на гармонии и пел частушки, но только почему-то слишком боялся грозы. Люсю-Людмилу все считали очень красивой. Похожа на тётю Веру, прям, одно лицо. Я много слышал об их старшем брате Коле, но так и не довелось застать его в Карасёвке, чтобы познакомиться.

До войны Коля окончил техникум, потом с отличием первый курс в университете в Воронеже, а Люся-Людмила – Курский пединститут. В 1941 году Коля ушёл на фронт, где вступил в Партию. После войны преподавал во Владимирской области, защитил кандидатскую диссертацию по педагогике, перешел в Тульский государственный педагогический институт.

В 1937 году мы думали, что его отца, Антона Васильевича Сорокина, представят к награде за 30-летнюю работу учителем, а вместо этого арестовали как врага народа. Коля его навещал в Курской тюрьме. Отец попросил принести новые очки, так как старые разбились. Через месяца два кто-то из знакомых, то ли бывший ученик, который был в это время в этой тюрьме, сказал брату Антона Васильевича, Игнату, что Антон умер в тюрьме. Тот передал жене, Любови Осиповне. Она не хотела верить в смерть мужа, так как ещё в 1937 году ей в тюрьме сообщили, что муж сослан без права переписки. Она оплакивала мужа и вспоминала, как на вен-

чании загорелась её фата. А теперь люди стали говорить, что рыданием она отмолила все грехи венчаного супруга. Официальный письменный ответ в соответствующих органах дали только в 1960-х: поскольку Антон Васильевич реабилитирован посмертно, то семье полагается денежная компенсация. Самая младшая его, шестая, внучка Женя уже окончила школу в пригороде Твери, а правнучка Мила-Людмила, учится в младшем классе в Туле.

Сейчас моей маме, Евгении Осиповне, 70 лет, ее сестре Любе – 80. Задолго до войны у них возникли серьёзные разногласия, поэтому общались мало. Я слышал, как тётя Вера приговаривала, когда среди детей случался спор:

– Ну вот! Разругались, как сестры Александровы.

После войны мама и тётя Люба узнают новости друг о друге от сестры покойного Антона Васильевича Сорокина, Марии Васильевны, которая вышла замуж за Медведева Ивана все в том же поселке Свобода под Курском. Её дочь Зина, Зинаида Петровна Жухневич, а по мужу Сапожкова, работает учительницей в этом поселке.

Как-то раз я встретил её. Мы помянули гостеприимного ее родного дядю, Антона Васильевича. Зина назвала его настоящим сельским интеллигентом. Она спросила:

– А где брат твоей мамы и Любови Осиповны, Антон Оси-

пович Александров? Он ведь был офицером, арестован в 38-м.

– Знаем только, что тогда его лишили всех наград, отправили в Гулаг Коми АССР, выпустили перед войной. Ему сейчас 76 лет, старше моей мамы на 5 лет.

София.

Патин рассказ.

Когда в 1904 году в Бельске Анна Осиповна Александрова родила двойняшек Лизу и Соню, ее старшей дочери Вере Осиповне было 19 лет, моей маме, Евгении Осиповне – 4 года. Когда Вера гуляла с двойняшками, все думали, что это ее дочки. Через 8 лет Лиза умерла от менингита, Соня тоже переболела им, и в 30 лет болезнь дала о себе знать.

Соня с мужем Антоном Васильевичем Слащевым жила в Брянске, работала секретарем. Он был сотрудником НКВД, ворошиловским стрелком, героем Революции и Гражданской войны. За мужем она не поехала, когда за пьянство его отправили служить охранником куда-то в Сибирь.

В 1937 году Соня попала на длительное лечение в больницу. Четырехлетнего сына Женю Слащева забрали в детский приют. Чтобы шестилетняя дочь Рита не попала в детдом, старшая сестра Вера увезла ее в Курск. Через какое-то время туда приехали и Соня с сыном. Соня упрекала сестру Веру, что та не сохранила комнату в Брянске. Курские власти

не спешили давать жилье детям героя Революции, поэтому на восьми квадратных метрах так и жили вчетвером до самой войны.

Соня была очень привлекательной женщиной, хорошо пела романсы, играла на гитаре. Однажды она дала почитать свои стихи сестре Вере, понравились.

Рита была смышленной, хорошо училась в школе, только по поведению учителя ставили ей неудовлетворительные отметки. Тетя Вера делала замечания очень деликатно. Рита не знала такой любви от своей мамы Сони – вечно раздраженной, крикливой, вспыльчивой, резкой и рассеянной. Бывало, что Соня за малейшую провинность могла ее обидеть. Тетя Вера учила Риту штопать одежду, вязать крючком кружева и строчить на машинке. Девочка быстро освоила рукоделие, мастерила кукле наряды, но все-таки предпочитала книжки читать. Ей нравилось рассматривать картинки на почтовых открытках, которых у тети Веры скопилось на целый ящик. Там были и иностранные открытки.

В школе Рита была и октябренком, и пионеркой. Все равно тетя Вера тайно водила в церковь её и братика Евгения, крестила их, учила молитвам. Тогда в Курске была открыта только одна церковь на Никитском кладбище.

О СЛОЖНОМ

5 октября 1971 года.

Вторник.

Сегодня День учителя. Фи! Опять в нашей квартире цветы. Хорошо, что они в октябре подорожали, поэтому надарили маме не так много. Цветы мне надоели давно: мама заставляet ими все подоконники зимой и летом – балкон.

С детства я бегала за ней, как хвостик: и, когда она готовила выставки от школы для городского конкурса на ежегодном Дне Цветов, и на первый в нашей республике городской праздник для школьников «Птицы – наши друзья». Мама сама организовала этот праздник как активистка городского Общества охраны природы, и часто получает почётные грамоты. Об этом потом расскажу.

Хорошо ли быть ребёнком учителя? Думаю, не всегда.

1965 год, мне 5 лет, ранний вечер, тепло, во дворе людей немного. Мама разрешает вынести из дома новую куклу, чтобы показать подружкам, сама следит из окна. У подъезда меня окружают дети.

Кукла походит на годовалую девочку: закрывает глазки с ресничками, «мамкает». У неё всё сделано под малыша: нарисованы на головке волосики, бровки, губки. Туловище – из бледно-розовой ткани, такие же ножки, ручки болтают-

ся; кисти и пальчики с ноготками – из тонкой пластмассы. На головке чепчик с кружавчиками, распашонка – из тонкой ткани, фланелевые ползунки, кожаные пинетки на шнуровке. Дети восхищаются, устанавливают очередь, чтобы понюхать пупса.

Возвращаюсь домой с совершенно голой куклой. Я не расстраиваюсь, так как думаю, что подружки вернут одежду. Ведь мне улыбались, были ласковы, внимательны, хвалили пупса. Маме поясняю:

– Девочки взяли поиграть.

Мама в одном домашнем халате тут же ведет меня за руку к маленьким соседкам, которых из окна видела возле меня. Открывают дверь родители, выслушивают.

Школьница заявляет:

– Света сама виновата, кому попало давала куклу подержать, там была не только я, ещё незнакомые ребята.

– Я наблюдала, не было посторонних. Света маленькая, ходит в садик, доверчивая, ты гораздо старше, умнее. Разве твою куклу ты дала бы раздеть? – спокойно спрашивает моя мама.

– Чем теперь виноватых искать, лучше бы сами за своим ребёнком следили! – упрекают родители девочки: – Почему такая маленькая одна гуляет? Зачем дорогих кукол разреша-

ете из дома выносить? Знаете же, не у всех есть деньги игрушки покупать! Похвалиться, что ли, охота?

Мама стучится к другой школьнице, та отвечает бойко:

– Да, я куклу держала, но не раздевала.

Иногда мама рассказывает кому-нибудь об этой неприятности:

– Ладно, дети, понятно, не могут удержаться от соблазна взять чужое, завидуют чужим игрушкам. Удивляюсь родителям, ведь видят, что ребёнок принёс в дом чужую вещь, и молчат, как будто, так и надо.

Её слушают, не возражают, не соглашаются.

Когда пропала кукла у моей подружки, её мама ни к кому не ходила. Она не учительница, а моя мама – учительница, педагог! Кто прав?

Короче говоря, после истории с куклиной одежкой впервые в жизни чувствую, что теперь во дворе не все дети хотят со мной играть. Кто виноват?

Это не так важно, а важно, что у меня всё равно есть друзья и в доме, и школе, что пупс и без одежки остался любимым, и мы вместе с ним продолжаем попадать во всякие истории.

У этой куклы есть тайна, вернее, у меня с мамой: мы никому не говорим, что пупса подарил дедуля. Купил в ГДР, когда в 1965 году ездил с делегацией от строительного треста. Немецких денег было маловато, чтобы хватило на хорошие подарки всем его детям: эта кукла ведь недешёвая. Почему от всех скрыли, что дедулин подарок? Как я сегодня понимаю, чтобы не обидеть его вторую внучку Катю-Катюру моего возраста. Конечно, она бы тогда очень обиделась. Сейчас Катя в куклы не играет, больше сидит с книгами.

Более сложные случаи из-за мамы-учительницы происходили в моей школе №106 до прошлого 1970 года, где мама вела уроки биологии – в двух шагах от нашего дома. Многие ученики её любили и уважали, особенно из 8 «А» класса, где она была классным руководителем. Я помню некоторые имена: Черепанова Ира, Козловский Сергей, Рыжиков Слава, Шумилова Мила, Галимов, девочка Антонина, фамилию которой забыла.

В нашем доме тоже есть её ученики, но не из 8-го «А». Двое из них очень расстроили меня три года назад, в 1968 году. Тогда я училась во втором классе, мама остригла мои длинные волосы, чтобы сделать себе модный шиньон. Я покрутилась перед зеркалом – не была уверена, что мне идёт короткая стрижка, – и вышла погулять с новой причёской.

Пятиклассница М. говорит девочкам в мою сторону:

– Фу! Обкромсали под мальчишку для шиньона! Дура ка-

кая-то!

Если я никогда с ней не разговаривала, то почему она решила, что я глупее других? Не скрою, я не была отличницей, но и тройки-то редко получала. Родители за них не ругали, потому что я получала за невнимательность, за то, что пропускаю слова учителя.

Дома я рассказала маме про непонятную историю с соседкой М., и мама объяснила:

– Этой девочке я преподаю ботанику. Она не может выучить уроки на хорошую отметку. Не может запомнить ни то, что объясняю, ни то, что в учебнике написано. Отметки ей не завышаю, вот она и решила на тебе отыграться. Не обращай внимания.

Другая история из-за мамы произошла, когда выпускники школы сдавали экзамен. В её дипломе Башкирского государственного университета записано, что она может преподавать не только биологию, но и географию, и обществоведение, поэтому мама и сидела в экзаменационной комиссии. Я шла мимо класса, где он проходил. Вдруг оттуда вышел и направился ко мне сосед по дому десятиклассник Б..., наклонился к моему уху и сквозь зубы процедил:

– Передай своей ма-те-ри, что мой отец оторвет ей го-ло-

ву! По-ня-ла!

Я очень испугалась, хотя и не поверила, что его отец – очень приличный человек, фронтовик – будет такое делать. Маме я ничего не передала, побоялась расстроить. Правильно ли я сделала? Не знаю.

Сложные случаи прекратились, когда мама перешла работать в другую школу. Уф! Правда-правда, стало немного легче жить, но появились другие сложности.

К примеру, как-то раз сидим на скамейке во дворе с детьми, болтаем о том, о сем. Вдруг длинноногая Таня, сестра Иры Гуртовенко, старше меня на два года, заявляет:

– Ой-ё-ёй! Посмотрите-ка! Светка-то нарочно постоянно глаза закрывает, чтоб все заметили её длинные ресницы. Какая во-о-бразал-ка!

С этого момента я и начала замечать, что происходит непонятное – люди обвиняют меня в том, чего даже в мыслях нет! Допустим, Таня нарочно сказала, а я приняла за чистую монету. Она вообще-то любит побаловаться, повеселиться, но невредная. А если не пошутила, вправду так подумала? Ладно, ей простительно – меня ведь плохо знает, может ошибаться. Тогда почему в другой раз со старой-то подружкой, всегда серьёзной Гузель Гумеровой, повторилось почти то же самое?!

Этот странный случай произошёл в начале учебного 1968 года. Тогда все подружки стали чем-то заниматься после уроков. Ира Гуртовенко рисовала, собиралась поступить в художественную школу, Таня Никитина брала уроки фортепьяно на дому. А я начала ходить в кружок юных натуралистов.

Мама аж обрадовалась, что увлекусь, захочу стать, как она, биологом. В кружке были рыбки, клетки с хомяками, морскими свинками, птицами, теплица. Хотя я и люблю животных, но кружок юннатов бросила и стала искать другую «нагрузку» после уроков. Тогда родители и решили, что лучше всего заниматься музыкой, и купили пианино на мою голову. Аж за 500 рублей в кредит!

Рабочие еле-еле втащили его на четвертый этаж, двери с петель сняли, чтоб протиснуть из нашей узкой прихожей в зал. Благодаря пианино у нас наконец-то стало более современно и будто просторнее от того, что оно похоже на зеркало. В черной полировке его боковой стенки отражаются окна со выющейся традесканцией в кашпо и занавески с крупными жёлтыми полосами; в полировке передней стенки – модный сервант, где из розового стекла – графин и рюмочки, селедочница голубого и другая праздничная посуда. В отражение попадают старомодные диван и этажерка с шишечками и книжными полками и вазочками – подарками маминых учеников – на белой мережковой салфетке. К счастью, благодаря пианино мама сняла со стены допотопный гобелено-

вый коврик с медведями Шишкина «Утро в лесу» и повесила над новым инструментом портрет Шопена.

Папа сказал:

– Наконец-то, убрала это мещанство! Надо бы, Ира, и эту жерку освободить от мещанских безделушек и салфеточек.

Мама промолчала и не освободила.

Гм! Почему? Похоже, мама не считает их мещанскими. Как и папа, она часто говорит, что не любит мещанство. Что я знаю о мещанах? Это люди, которые не только больше любят вещи, чем людей, животных, природу, но и мелочные, с плохим вкусом, ограниченные, не стремятся к знаниям, думают только о своих интересах, а не об общественных. Конечно, мама совсем не похожа на них. Наверно, папа зря называет мещанскими эти салфеточки, вазочки, статуэтки, раз они нравятся маме. Правда, коврик с медведями мне тоже не нравился. В то же время мне не нравится, что папа положил на шифоньер свои рулоны ватмана, холста, а под койку с панцирной сеткой и никелированными спинками – мольберт и подрамники, на деревянную тумбочку – тюбики с красками, кисточки, паяльник с канифолью, отвёртки, кусачки, коробку с шурум-бурумом: радиолампами, предохранителями, винтиками и т. п. Вот они-то и создают в доме настоящий беспорядок! А мамины белые салфеточки, симпатичные вазочки и милые статуэтки дают уют, красоту и по-

рядок. Что лучше?!

Теперь продолжаю рассказывать про пианино. Итак, я позвала соседку с третьего этажа Гумерову, чтобы показать ей белоснежные клавиши и зеркальные стенки фортепьяно, пахнущие свежим лаком. На моё приглашение черноглазая Гузель ставит руки в боки и заявляет строго:

– Зовёшь, чтоб похвали-и-ться!?

– Нет, не хвалюсь, – отвечаю растерянно, ведь думала, что просто делюсь хорошей новостью.

– Не-не-е, Све-точ-ка, хвалишься! Это не хо-ро-шо!

Оказалось, моя мама слышала этот разговор, и сказала потом:

– У-у! Какая подружка непростая, строгая! Любит поучать, делать замечания. Наверно, станет учителем или судьёй, что тоже неплохо.

О СТРАХЕ И КОЛЛЕКТИВИЗМЕ

14 октября 1971 года.

Четверг.

Сегодня, как всегда, выхожу из музыкалки. Опаньки! Вижу Лену Попову. С осени 1966 до лета 1967 года мы ходили в одну группу детского сада. Начинаем разговаривать. Оказывается, к моему удивлению, в школе она не стала отличницей. Почему я удивилась? Сейчас расскажу.

Лена Попова пришла в нашу подготовительную группу садика зимой. В отличие от нас ей давно исполнилось 7 лет – пролежала осень в больнице и опоздала 1 сентября в 1-й класс.

У нее были густые светлые волосы, короткая стрижка с прямой чёлкой, большие тёмные глаза с черными ресницами и широкими бровями, стройная фигура, но Лену не все считали красивой, наверное, из-за слишком строгого взгляда, порой угрюмого.

Неулыбчивая новенькая с большим бантом на макушке вела себя как взрослая: не баловалась, не капризничала, хорошо выговаривала слова, умела читать, не стеснялась отвечать на занятиях.

Прошло месяца два. Во время тихого часа, когда воспитательница вышла из спальни, Лена присела на мою кровать

и с серьёзным видом шёпотом спросила:

– Знаешь про чёрного человека?

Я отрицательно помотала головой.

– В чёрном-чёрном доме жил один человек, – начала она рассказывать мне на ухо: – Когда он умер, положили его в чёрный-чёрный гроб, понесли на кладбище, опустили в чёрную-чёрную могилу. А потом чёрной-чёрной ночью увидели, как он идёт с кладбища, подходит к дому, открывает дверь, протягивает черную-чёрную руку и как закричит: «Отдай моё сердце!»...

Затем рассказала ещё что-то подобное; уверяла, что всё было на самом деле.

Мой страх проявился не сразу, а дома. Как всегда, на ночь мама дала мне стакан тёплого молока, уложила в кровать, поцеловала, выключила свет и вышла из комнаты. Вдруг в голове закрутились картинки из лениных страшилок. Такой кошмар я испытывала впервые – боялась открыть глаза, двигаться, дышать: казалось, ужасные призраки находятся рядом! Сон долго не приходил, в середине ночи я уснула, и, проснувшись, впервые в жизни обрадовалась привычным вещам: солнечному свету, запаху молочной манной каши, ругани в соседней квартире и певучему голосу молочни-

цы у подъезда дома:

– Мо-ло-ко! Кому моло-ка-а!

Таких, как я, трусливых лениных слушателей оказалось несколько человек. Самые бойкие две девочки сказали ей:

– Хватит пугать! Всё это ты сама выдумываешь!

– А вот и не сама! Мне рассказали! – возразила Лена.

– А зачем неправду повторяешь?

Попова только ухмыльнулась. Тогда они пожаловались воспитательнице, и та при всех сказала маме Лены:

– Во время тихого часа ваша дочь сама не спит и другим не дает, пугает страшными историями.

– Почему Лена не спит? – удивилась модная родительница, жена военного: – Хорошо спала даже с палкой между коленями после операции, был перелом ног, нельзя было двигаться. Не понимаю, что сейчас произошло?

– Сами слушают, им нравится, как рассказываю, а потом я и виновата, – пробурчала Лена.

Мы с упреком согласились, мнение взрослых услышали и сами решили, как быть. Теперь, если она подходит к кому-нибудь, то другие строго предупреждают:

– Лена, опять хочешь пугать? Уходи! Не мешай!

Она отходит, глядя косо.

Со мной она больше не разговаривала, правда, мы и раньше не были подружками.

Тогда я мою маму не спросила, как надо было с Леной поступить; прошло время, вспомнила и решила узнать:

– Мам, нужно заступаться за человека, если его не то, что бы обижают, а делают замечание, что он обманывает?

– Заступись, но проси всех, чтобы его простили на первый раз, дали время исправиться. Если второй раз обманет, то больше не заступайся. Пусть думает над своим поведением.

– Мам, а как же дружба? Один за всех и все за одного!

– Дружба дружбой, но друг не должен быть обманщиком, вором, а друзья не должны покрывать такого. Это называется ложный коллективизм, а есть коллективизм истинный. Детям сложно их различать, поэтому вы должны советоваться со взрослыми, учителями, родителями.

Надо же! Как непросто-то в жизни! Конечно, я могла бы заступиться за Лену, но тогда сомневалась. Ведь, с одной стороны, считала Лену хорошей. С другой стороны, разве хорошие люди могут обманывать, нарочно пугать доверчивых? Да еще пугать так, что начинаешь темноты бояться. Те-

перь-то понимаю, что страшилки – это выдумки, вроде шуток, но шутки не доброй, а злой.

Думаю, когда Лена окончит школу, ей надо идти в писательницы, она запросто сможет стать и артисткой. Ведь после нее я слышала от разных людей много всяких страшилок, но ленины были ужаснее и интереснее.

Мои страхи иногда повторяются, например, когда в подъезде перегорает лампочка, то жутко проходить мимо квартиры, где недавно умер кто-то из соседей. Я бегу по лестничной клетке, не чувствуя под собой ног. Недаром говорят, что страх похож на паралич, на туман в голове. Заметила я у страха одну странность – стоит кому-нибудь из живых людей оказаться в подъезде, как вмиг боязнь куда-то девается.

ТЬфу! ТЬфу! ТЬфу! Настоящих фантомов до сих пор я так и не встретила, а видела только в кино. Страшные фильмы смотреть хоть и боюсь, но обожаю ужасно.

– У нас во всех комнатах свет горит почём зря! Всё какие-то приведения ходят. Не понимаю, зачем ты им нужна?! – насмехается мама.

– На всякий случай, – отшучиваюсь: – Вдруг к тебе придут, а увижу я. Всё равно неприятно.

ТЬфу! ТЬфу! ТЬфу!

30 октября 1971 года.

Суббота.

Днем +1 °С, ночью 0° С, кратковременный снег.

Ой! Синичка садится на кормушку за нашим окном. Прыг-скок! Клюет семечки. Какая милая!

Через день, 1 ноября, моей сестре Наташе исполняется 23 года. Справлять будет с друзьями в ресторане. Она просила родителей подарок сделать деньгами.

Сегодня буду смотреть по телику в 23.05 «Гражданские и лирические песни Франции»: Шарль Азнавур, Беко, Франсуа, М. Амон, Брассенс, Эдит Пиаф.

7 октября были тоже хорошие программы из ГДР: концерт «Золотая нота», концерт художественной самодеятельности, многосерийный телефильм «Встречи» о борьбе немецких антифашистов в годы войны.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЮНОСТЬ ДЕДУЛИ

7 ноября 1971 года.

– 3° С, без осадков.

Воскресенье.

Сегодня страна отмечает 54-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

На языке крутится стишок, который учили в детском саду:

День седьмого ноября —
Красный день календаря.
Погляди в свое окно —
Всё на улице красно.

Из наших окон ничего красного не видно. Красные флаги и плакаты на дома, что в глубине тихих жилых кварталов, не вешают.

Снега пока мало, горку не делают, а снеговиков налепили.

С 4 ноября начались осенние каникулы, но мама ушла в школу с утра встречать старшеклассников, чтобы идти с ними на демонстрацию на площадь Орджоникидзе в Черниковке. В другой части города тоже демонстрация на Советской площади перед Советом Министров нашей респуб-

лики – БАССР. Мой класс будет ходить на демонстрацию в старших классах.

Как парад на площади Орджоникидзе закончится, то сразу оттуда мама пойдёт к дедуле, это рядом. Я и папа поедем к нему, когда начнут ездить троллейбусы, автобусы.

На завтрак папа варит все, что умеет: сладкую манную кашу на молоке с маслом, яйца всмятку. Ставит мне творог со сметаной, предлагает есть с сахаром или перетертой с сахаром чёрной смородиной. Я бы его съела с чесноком и солью. На столе серый хлеб, французская булка, масло, сахар, кружки с чаем. Папа любит всё молочное, сладкое и булки, а также любит покупать тульские пряники, развесной щербет, трехлитровые банки соков яблочного по 72 коп, персикового – по 93.

Еле-еле осиливаю полтарелки каши, пытаюсь уйти, а он возмущается:

– То не хочешь, сё не хочешь! Марципанов тебе подавать что ли?!

Я много раз слышала от него про марципаны, решила ещё раз спросить, чтобы заговорить зубы и не доедать кашу.

– Пап, что такое марципаны?

– Мама мне так говорила, когда я капризничал за столом. Марципан – булочка или конфета из тертого миндаля с са-

харом. Миндаль – это орех. Не удалось попробовать. В Уфе не продают, в Москве можно найти, там лучше снабжение.

Моя мама тоже говорит, что в Москве люди живут, а в провинции – прозябают.

– Пап, а твои родители боролись за революцию?

– Мама была слишком маленькой, а её брат Антон Осипович Александров был красноармейцем. Мой отец, Константин Михайлович, революцию встретил в армии, его полк перешёл в Красную армию. Потом отец служил оперативником в ЧК, громил банды белых. Муж сестры моей мамы, Антон Васильевич Слащев – герой Революции и Гражданской войны, ворошиловский стрелок.

В 10 часов началась демонстрация в Уфе, через 2 часа будет в Москве на Красной площади. Папа включает старенький телевизор «Рубин-102»; ждем долго, пока нагреется. Он говорит, что лампы садятся, надо менять. Наконец, появляется мутное изображение с непонятным звуком, папа поправляет антенну, чтобы настроить. Переключает на второй канал, их всего два. Переключатель похож на клавиши; экран маленький и черно-белый, а я пытаюсь все равно разглядеть маму с учениками среди колонн людей, разных плакатов, знамён, у многих в руках красные флажки, воздушные шары.

На улице лежит снег, -3 °С.

В час дня надеваю зимнее пальто с черным цигейковым воротником, белые вязаные шапку и шарф. В ботинках я выгляжу лучше, но уже холодно, хотя в валенках ещё рано, так что, напяливаю ширпотребные чёрные войлочные сапожки типа «прощай молодость», они закрывают ногу почти до колена, и железная молния не спереди, а сбоку. В нашем классе почти все девочки их носят. В школе у некоторых девочек я видела цветные войлочные бурки. Я хотела бы такие, но их надо где-то доставать и переплачивать. Как говорит мама, нет смысла за ними гоняться, время и деньги тратить, так как моя нога быстро растёт. Допустим, купим, но хватит только на одну зиму, а на следующую – будут уже малы.

С папой идём на остановку, здороваемся с соседями, поздравляем с праздником. На некоторых домах у Горсовета, на гостинице «Россия» висят красные флаги. Кто-то из прохожих идёт с красным бантом на груди или с красной гвоздикой, флажком с серпом и молотом, воздушным шариком.

Заскакиваем в троллейбус №2. Стоит компания девушек и парней с гитарой, громко смеются. Проезжаем площадь Орджоникидзе, народ расходится группами после демонстрации, рабочие разбирают трибуну перед дворцом культуры имени Орджоникидзе, в грузовики грузят флаги, плакаты, портреты Ленина, Маркса, Энгельса, Брежнева и др. По улицам люди идут весёлые, есть пьяные, кто-то с гармошкой, гитарой, поют песни.

Мы заходим к дедуле. Большой овальный стол накрыт: белая льняная скатерть, графинчики, рюмочки, тарелки с золотой каемкой, с одинаковым рисунком ножи, вилки; над столом – большой абажур из оранжевого шелка и с длинной бахромой.

Работает телевизор «Рекорд». Военный парад на Красной площади заканчивается, пошли колонны трудящихся. Рядом с телевизором на тумбочке стоит куст китайской розы в кадучке, под телевизором – радиоприёмник «Балтика», под ним за дверкой – детские книжки, которые я читала в детстве, когда приходила: «Аленький цветочек», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Конек-Горбунок» и др. Дедуля каждый день слушает радиостанцию «Маяк»: новости, радиопостановки, классическую музыку.

Обставлен зал был ещё до моего рождения: высокий буфет со стеклянными створками, под ними – открытая полка с большим будильником, перекидным календарём, свежими номерами газет «Правда», «Комсомольская правда», «Вечерняя Уфа», журналами «Огонек», «Роман газета», «Крокодил»; под парусиновыми чехлами стулья со спинками, пружинистый диван с жесткими валиками, подушечки плюшевые, холщовые с вышивкой крестиком; шифоньер с ящиками для обуви; двуспальная железная кровать с вязанным белым подзором, с горкой подушек под белой гипюровой накидкой; гобеленовый ковер с изображением картины художника Перова «Охотники на привале»; портрет Ленина в кеп-

ке; деревянные часы с гирями и маятником; два фотопортрета 25-летней давности: дедуля, Дорохов Михаил, в строгом костюме с галстуком и его шестилетняя средняя дочь Таня с большим бантом на голове. Сейчас ей 21 год. Я должна пояснить: моя бабушка Лидия умерла еще до моего рождения. Ее муж Дорохов Михаил женился второй раз на Евгении Фадеевне, поэтому у моей мамы появился сводный брат Кулигин Павел и потом родились два родных по отцу брата Слава, Гена и две родные сестры Таня, Валя Дороховы. Евгению Фадеевну я зову бабулей.

Я бегу к маме на кухню, где женщины режут овощи для винегрета. На столе стоят банка майонеза и банка консервированного зелёного горошка; кто-то из родни достал их по блату. Лежат под белыми полотенцами большие пироги с разной начинкой: из мяса с лучком, из капусты, из рыбы с рисом и лавром, из яблок, а также песочный торт «слоёнка» с ягодным повидлом. Их стряпала бабуля, Евгения Фадеевна – это мачеха моей мамы.

Почему-то разговор заходит о дедуле. Мама говорит:

– Горжусь, что мой папа – коммунист, и ваш брат Василий Фадеевич тоже.

– Ирочка, три моих брата Виктор, Виталий, Вася – коммунисты, – уточняет тетя Маня, Мария Фадеевна Тарасова, старшая сестра бабули: – Старший Виталий служил в Первой Красной милиции, на фронте Отечественной войны по-

гиб. Младший Вася с детства все время бегал за ними и тоже пошел в милицию, он – член первой в Уфе комсомольской ячейки. Сегодня Вася – начальник треста «Ремстрой», его даже приглашают на встречи с молодежью как первого комсомольца.

– В краеведческом музее его фотография, – добавляет племянница тети Мани, Петрова Оля, рядом сидит её мама Зоя Фадеевна.

– Ирочка, твой папа, Михаил Моисеевич, никогда не повышает голос, не устраивает истерик, со всеми тактичный. Просто, святой человек! – хвалит моего дедулю тетя Маня.

– Про папу даже личный шофёр говорит, что хороший мужик, честный, – добавляет моя мама: – Дачу себе не построил, машину не купил, получше квартиру попросить постеснялся, отпуск не берет. Только думает, как прокормить большую семью. Служебную машину в личных целях не использует. Папа порядочный, не выпячивается, трезвенник, отличается от остальных руководителей мягким характером.

– Да, дядя Миша дома такой приветливый, такой домашний, не верится, что на службе большой начальник, мужским коллективом управляет, – подтверждает Петрова Оля, которая работает мастером на заводе резиновых изделий.

– Никто не слышал, чтобы папа нецензурно выражался, пустословил, выкручивался, льстил. Из рабочей семьи, а интеллигент! Папа – представитель первой советской интеллигенции, – продолжает мама.

В кухню заходит дедуля и зовет всех:

– Идемте! В половине пятого «Клуб кинопутешественников» начнётся.

– Папа, расскажи, как ты революцию в Мичуринске защищал.

– Ира, не я, а мои старшие братья Коля и Саша. Дороховы давно увлекались идеями революции, участвовали в подпольной работе, устраивали тайные явки, в нашем доме – маевки, прятались от царской охраны. Как говорится, держали оружие наготове. Саша, Коля боевые были!

– Расскажи-расскажи, как ты с Крупской встречался! – опять просит моя мама.

– Просто мы пожали руку Надежде Константиновне после митинга, когда с братьями ездили на парад в Москву.

– Дальше-дальше говори, как в Красную Армию пошёл! – Мама заставляет его вспоминать.

– В 1917 году мне 14 лет, в школу ходил. Как заговорили в августе 1919 года, что к Мичуринску, тогда назывался Козлов, белые подходят, то и я записался добровольцем. Не успел получить оружие, как наши ушли без боя, потом тоже без боя – и белые. В Козлове провозгласили Советскую власть. Коля еще до революции был военным, стал красным комиссаром. Александр имел диплом коммерческого училища, был начитанный, эрудированный, поэтому назначили его

красным судьей.

– А как капустой торговали, – надоедает ему мама.

– После войны голодно. В нашей Инвалидной слободе мать выращивала капусту на огороде. Мы таскали воду из речки для полива, а затем тяжёлые кочаны – на базар. Отец сапожничал, точнее, ставил заплатки. Я зарабатывал рассыльным конторщиком и переписчиком. Брат Саша служил в местном Совете Народных Депутатов: выступал на митингах, участвовал в отряде ликвидации безграмотности. Получил награды, приличную пенсию, но выпивал, дом отца пропил, в 1964 году умер от воспаления лёгких, остались жена, взрослый сын.

ЛЕКАРСТВО И ТЕЛЕВИЗОР

15 ноября 1971 года.

Понедельник.

+2° С днем, -1° С ночью и снег.

Третий день валяюсь в постели с ангиной, насморком, кашлем. Приходила участковый врач Хамитова Зайтуна Ахметовна, прописала пить аспирин, порошок стрептоцида, тетрациклин, анисовые капли, нос закапывать нафтизином. Мне от насморка помогает нюхать карандаш с ментолом, от кашля – пить тёплую воду с жженым сахаром, папа каждый день мне ее делает. Дают пить тёплое молоко с содой и мёдом, есть варенье из чёрной смородины, где много витамина С.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.